ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

К 70-летию Дома Плеханова

1998 № 2

«Необходимо противопоставить революционной фразеологии — революционное мировоззрение...»

Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг.

Публикуемые ниже документы представляют собой часть длившейся на протяжении 1913-1918 гг. переписки Г. В. Плеханова и А. И. Любимова. Ее полное издание в журнальном варианте не представляется возможным не только в силу объема (148 ед. хр.), но и потому, что это потребовало бы привлечения хранящихся в Доме Плеханова писем к Плеханову Н. Д. Авксентьева, А. В. Амфитеатрова, И. И. Бунакова-Фондаминского, А. Ф. Бурьянова, Н. И. Иорданского и ряда других лиц, тематически с ней связанных. Условно все они могут быть разделены на три группы: 1) материалы, относящиеся к попыткам ряда членов РСДРП воссоздать единую партию с помощью издания общепартийной газеты «За партию», объединить силы большевистской и меньшевистской фракций в Государственной думе, чтобы на их основе организовать единый демократический фронт, оппозиционный самодержавию и поддерживающим его силам; 2) письма, раскрывающие усилия патриотических кругов в России, направленные на объединение сил общества для отражения агрессии Германии, способных одновременно характером своего воздействия на жизнь страны изменить ее политический строй; издание газеты «Призыв» как средства такого объединения; взаимодействие международной демократии в борьбе против германской экспансии; 3) документы, близко примыкающие ко второй группе и отражающие историю несостоявшегося участия Плеханова в издании газеты «Русская воля». Ниже представлены документы второй группы и часть материалов из третьей, в той мере, в какой они нашли отражение в переписке Плеханова и Любимова, затронув вопрос сохранения газеты «Призыв».

10-15 сентября 1915 г. в Женеве состоялось совместное совещание находившихся в эмиграции членов РСДРП и партии социалистов-революционеров, разделявших позиции оборончества. По сути, оно явилось продолжением стихийно начавшейся в России самоорганизации общественных сил для обеспечения защиты страны. Провал русской армией летней военной кампании, неспособность власти управлять страной в условиях войны, просочившиеся в печать слухи о попытках близких к правительственным кругам лиц вести с Германией переговоры о возможном заключении сепаратного мира в то время, когда война шла на территории России, предательская политика ряда ушедших в отставку министров и вызванная названными обстоятельствами «министерская чехарда» привели к тому, что к осени 1915 г. в России вновь, как и десять лет назад, стала складываться революционная ситуация. Создаются и начинают действовать Военно-промышленные комитеты; члены Государственной думы и Государственного совета образуют Прогрессивный блок; члены народнических групп (народные социалисты, эсеры, трудовики) выступают с совместной резолюцией о необходимости сосредоточить усилия демократии на создании новой исполнительной власти, ответственной перед народным представительством.

Эти события подтверждали, как считали оборонцы, правильность высказывавшихся ими в начальный период войны положений о характере навязанной Германией миру войны и о естественном праве народов на самооборону и обязанности защищаться. Уровень оказывавшегося сопротивления Тройственному союзу являлся не столько показателем промышленно-технического развития стран, активно противостоявших странам-агрессорам, сколько демонстрировал степень социальной зрелости человечества в целом.

Принятый по итогам Женевского совещания манифест «К сознательному трудящемуся населению России», автором которого являлся Плеханов, стал идейно-теоретическим обоснованием той борьбы, которую вели вместе с народом России другие народы Европы за свое освобождение и мир. Обращаясь к патриотическому чувству русских (по принадлежности, а не по национальности), манифест указывал, что Россия принадлежит не царю и его правительству, а ее гражданам. Положение в стране таково, что дело защиты государства, а значит и будущего его граждан, находится в их руках и зависит только от них, от их умения отделить узкокорыстные, сиюминутные цели от главной: «...к свободе нам нельзя придти иначе, как идя по пути национальной самообороны. Заметьте, что мы вовсе не говорим: «сначала победа над внешним врагом, а потом уже свержение врага внутреннего. Вполне возможно, что свержение этого последнего явится предварительным условием и залогом избавления России от германской опасности». Добиться такого объединения можно было лишь непрерывным и постоянным просветительством масс, противопоставляя, как писал Любимов в одном из писем Плеханову, «революционную фразеологию-революционному мировоззрению».

Алексей Иванович Любимов (партийные псевдонимы - Валериан, Летнев, Марк, Зомер, З-р) родился 4 мая 1879 г. в Москве, в семье владельца небольшой типографии. Закончив в 1896 г. Московское реальное училище, он становится студентом Московского императорского технического училища и вскоре включается в революционное движение, является одним из организаторов Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (преобразованного после I съезда РСДРП в Московский комитет партии). Спустя год, Любимова, уже в качестве члена этого комитета, арестовывают. После годичного содержания в тюрьме его отправляют в Воронеж под гласный надзор полиции. В 1900-1901 гг. Марк организует Воронежский комитет РСДРП, а позднее, совместно с В. А. Носковым, - «Северный союз партии» и одновременно устанавливает связи с организациями «Искры».

После II съезда партии, осенью 1903 г., Любимов переходит на нелегальное положение, включается в работу ЦК РСДРП, заведует его Техническим бюро. В 1904 г. его кооптируют в состав ЦК партии (большевиков), весной 1905 г. под псевдонимом Зомер он принимает участие в работе III съезда РСДРП. Осенью того же года в Одессе, где Любимов состоял членом комитета партии (б-ков), его арестовывают в третий раз, спустя год освобождают под залог, но затем следует новый арест, и по приговору суда, лишенный всех прав, Алексей Иванович по этапу отправляется в Верхоянский уезд Иркутской губернии на вечное поселение. Через четыре месяца (1908 г.) он бежит из ссылки и почти на девять лет остается в Париже.

В течение некоторого времени, являясь секретарем зарубежного бюро ЦК РСДРП, Любимов входит в редакцию ЦО партии - газеты «Пролетарий». В этот период начинается его отход от большевиков, закончившийся в 1911 г. разрывом и созданием парижской группы большевиков-партийцев. Лишь формально расхождения относились к области организационных вопросов: Любимов отнесся крайне отрицательно к стремлению большевиков самостоятельно, без участия других социал-демократических фракций РСДРП осуществлять руководство рабочим движением России. В действительности, в основе разногласий лежало различное понимание природы общественного развития, его движущих сил, роли и места политических партий в историческом движении. С еще большей очевидностью оно проявило себя в критические моменты: период Первой мировой войны и революции 1917 г.

Тогда же постепенно складываются сначала официальные, а затем и дружеские отношения Любимова и Плеханова. Совместная работа в редакциях газет «За партию» и «Единство», составление докладов для депутата IV Государственной думы А. Ф. Бурьянова, поистине титаническая работа, проделанная обоими по объединению сил партии, защите волонтеров, ушедших на фронт, изданию «Призыва», помощь, которую Любимов оказывал Георгию Валентиновичу в работе над «Историей русской общественной мысли», еще более укрепили их дружбу, и в одном из писем Плеханов писал: «...моя симпатия к Вам и, - что важнее, - мое к Вам уважение росли с каждым новым деловым письмом, получавшимся мною от

Вас. Я жалею единственно о том, что судьба свела меня с Вами, может быть, слишком поздно...».

В июле 1917 г., закрыв все дела, связанные с изданием «Призыва» и репатриацией русских политических эмигрантов на родину, Любимов возвращается в Москву, чтобы встретиться с матерью после 12-летней разлуки, а затем переезжает в Петроград и включается в деятельность группы «Единство». Алексей Иванович тяжело переживал приход большевиков к власти. Свойственная ему прямолинейность, неумение кривить душой, неспособность пойти на нравственные компромиссы с теми и там, где он согласен не был, не позволили Любимову принять участие в работе по организации новой жизни в стране. Незаметная, а в его случае - бессмысленная работа мелкого служащего была невыносима для его деятельной натуры. Осенью 1919 г. он заболел и 10 декабря скончался в одной из московских больниц. Его товарищи по большевистскому подполью, в то время известные партийные и государственные деятели страны, написали для газет «Известия» и «Экономическая жизнь» некролог, который по каким-то причинам опубликован не был.

Ценность публикации переписки Любимова и Плеханова состоит не только в том, что в научный оборот вводятся новые источники. В письмах хорошо просматривается внутренний мир этих людей, их помыслы и заботы, отношение друг к другу и к тем, кто их окружал. Знавшие Любимова отмечали, что обаяние его натуры было таково, что, расходясь идейно с соратниками по политической борьбе, он продолжал поддерживать с ними товарищеские отношения, и люди по-прежнему тянулись к нему. По-новому предстанет и Плеханов, о величии души которого свидетельствуют и его творческое наследие, и обширный круг соратников и единомышленников, чьи имена вошли в историю не одной России. Документы публикуются по автографам, хранящимся в Доме Плеханова (другие случаи оговариваются в примечаниях) в соответствии с нормами современного русского языка.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Т. И. ФИЛИМОНОВА.

№ 1

А. И. Любимов - Г. В. Плеханову

24 октября 1914 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Извиняюсь, что с таким опозданием отвечаю на Ваше письмо от 18. X. Все это время я был болен, пришлось лежать, и только сегодня имею возможность взяться за перо. На Ваш вопрос о том, скоро ли можно будет Вам взяться за статью, я сейчас не могу Вам ответить, ибо, если вопрос идет об издании № 6 «За партию»[1], надо предпринять ряд формальных шагов. Дело в том, что я сейчас не представляю, из кого состоит редакция «З[а] п[артию]». От беков в нее входят Лева[2] и я, но кто является в ней представителем м[еньшевик]ов, я не знаю. До последнего времени в ред[акции] «З[а] п[артию]» был тов. Дневницкий[3]. Но в ред[акцию] «Единства»[4] он не вошел, а в ней были, кроме Вас, Раппопорт[5] и Ольгин[6]. К кому же мне сейчас обращаться по редакционным вопросам? Я бы очень просил Вас ответить мне на этот вопрос и дать соответствующий совет и указания, дабы по изданию № 6 избежать упреков в самозванстве, незаконной редакции и пр. и т. п.

Через несколько дней я выясню еще один важный вопрос - денежный. Номер вряд ли можно будет выпустить менее 6 стр., а для этого надо не меньше 250 фр. По моим расчетам, у нас будет фр. около 200, если б удалось достать еще 50 или, по крайней мере, быть уверенным, что они будут - финансы не были бы для нас препятствием.

Несмотря на все это, я все же думаю, что, чем скорее Ваша ст[атья][7] будет написана - тем будет лучше и вот почему: весь номер будет, очевидно, заполнен статьями, связанными с вопросом о войне, и, прежде чем эти статьи наметить и распределить их, необходимо знать, в

каких пределах этот вопрос затронут Вами, дабы не было противоречий или повторений. Ибо несомненно, что при издании номера его надо будет приспособлять к Вашей статье.

Обойти это затруднение можно тем, чтоб Вы нам наметили содержание № и темы желательных статей. Со своей стороны я предлагаю следующее (не говоря о Вашем фельетоне):

I. Передовица. В ней указать, что среди парт[ийцев] по вопросу о войне существуют разногласия, как, впрочем, они существовали и раньше по ряду вопросов, что не мешало им вместе работать. Указать, что расхождения в партии по вопросу о войне выходят из рамок всех прежних разногласий (б[ольшев]изм, м[еньшев]изм, впередовство и т. д.). С другой стороны, несмотря на расхождения, партия, в целом, стоит на ортодокс[альной] точке зрения. Эти моменты дают новый толчок для единства (указать, попутно, на Брюсс[ельское] совещание)[8]. Передовицу взялся бы написать я.

II. Статья о проекте налогов, выработанном совещанием министров. Статья должна разобрать вопрос не только с техническо-податной точки зрения, но и дать директивы для работы на местах. Что против намеченных налогов надо протестовать - ясно; ясно, что надо протестовать против их введения в порядке 87 ст[атьи]. Но ведь и Дума поведет их. Не вытекает ли, при таких обстоятельствах, в связи с борьбой против шовинизма и национализма, лозунг Учр[едительного] собр[ания] или полновластной Думы, за которые надо повести усиленную агитацию и кот[орые] должны выставить наши депутаты в Думе?

III. Статья о войне и о национ[альном] вопросе в практической его постановке: т. е., напр[имер], какое отношение должна занять с.-д. партия, если, в случае победы союзников, они примутся за раздел Австрии по национальностям. Какое значение имеет национальный момент для Италии в случае ее вступления в войну и т. д. Одну из двух последних статей мог бы написать Лева, другую - Раппопорт.

IV. Ст[атья] о войне и о коммуне. Сейчас так много начинают говорить с легкой руки Ленина о коммуне[9], что все перестают понимать, в чем дело. Необходимо указать, при каких условиях можно ждать от войны коммуны, а также, прежде всего, условиться, что понимать под этим термином. Для сторонников кануна социализма (ленинцев) - указать на связь коммуны с защитой и с самообороной наций.

Если для такой ст[атьи] не найдется желающих, я попытался бы за нее взяться.

Наконец, необходимо хотя бы вкратце изложить, что было на совещании в Брюсселе, и привести выдержки из проекта воззвания.

Желательно было бы поместить редакц[ионную] заметку по вопросу о необходимости сейчас созыва Интернационала. Это возможно, конечно, в случае единства взглядов редакции на этот вопрос.

Лично думаю, что этот созыв сейчас несвоевременен.

Хроника, какая будет.

Сообщите, пожалуйста, как Вы относитесь к этому проекту. Мне бы очень хотелось получить Ваш ответ возможно скорее. Недели через 2-2 $^1/_2$ я, м[ожет] б[ыть], поеду в Париж и тогда мог бы уже приняться за выпуск номера, если к тому времени будет выработано содержание номера и статьи разобраны. Что касается парижского «Голоса», то завтра я напишу в редакцию, чтоб выслали полный комплект его и чтоб в дальнейшем высылать его Вам ежедневно. Между прочим, в последних его номерах был напечатан Ваш доклад в Лозанне и возражения Ленина[10]. Все в ужасном виде! Постараюсь достать эти номера и тогда перешлю Вам вырезки. Да, с № 6 «З[а] п[артию]» надо очень спешить, ибо в передаче чужих взглядов публика становится прямо беззастенчивой.

Преданный Вам *Марк*

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 23. Л. 1-3.

№ 2

А. И. Любимов - Г. В. Плеханову

5 ноября 1914 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Только что получил Вашу открытку от 3 ноября, где Вы сообщаете, что через два дня вышлете по моему адресу Вашу статью о войне.

Вчера я Вам послал открытку с извещением о моем отъезде в Париж 6-го ноября. Я надеюсь, что Вы получите эту открытку до отправки рукописи. Хотя я заявил на почте о перемене адреса и дал свой парижский адрес, однако я не уверен, аккуратна ли будет передача и, наконец, не знаю, не задержат ли Вашу рукопись цензурные условия. Насколько я знаю, для корреспонденций во Францию цензуры нет, но, на всякий случай, приходится с этим считаться.

Если Вы еще не послали рукописи мне на Лозанну, м[ожет] б[ыть], поступите так: если есть возможность снять с нее две копии, одну послать мне на Париж, а другую (для пересылки мне) - Киселеву[11] (его адрес: Mr Kisseleff 21, Wartstrasse, Zürich). Из Швейцарии часто бывают оказии во Францию, и Киселев сможет мне переслать рукопись таким путем, а человек он аккуратный. Во всяком случае, я очень Вас прошу известить меня о том, как Вы поступили с рукописью, чтоб, со своей стороны, навести справки на почте.

Издать Вашу статью необходимо и возможно скорее. Под влиянием агитации «Голоса», Ленина, Троцкого и др. взгляды на войну начинают закрепляться. Широкая публика хочет ознакомиться с Вашими взглядами в Вашем собственном изложении, но вышеупомянутые товарищи не прочь в полемике с Вами извращать Ваши взгляды (напр., Мартов)[12].

Я боюсь, как бы издание № 6 «За партию» не задержалось чрезвычайно из-за редакционной переписки, из-за статей, из-за их просмотра и пр. и т. п.

Наконец, ввиду отсутствия среди нас, «партийцев», единства взглядов на войну, возможно, что публика истолкует выход № с Вашей статьей в ложном смысле - в смысле фракционного закрепления наших взглядов. Было бы, поэтому, лучше и скорее издать ее в виде брошюры отдельным изданием. Это имело бы еще то удобство, что большая статья не могла бы войти в номер в четыре страницы.

На издание брошюры деньги бы нашлись: пока что могли бы издать ее на средства, оставшиеся от «З[а] п[артию]». Дают деньги цюрихчане и лозанцы.

Судя по Вашей открытке и по тому, что Вы предлагаете нам решить, как печатать Вашу статью, Вы, очевидно, тоже не против этого предложения. После же издания брошюры можно будет подумать и об издании № 6 «За партию».

Буду ждать на это Вашего ответа. И, если Вы согласитесь на издание брошюры, я ее выпущу в свет в Париже самое большее через 10 дней по получении рукописи (если не будет задержки с корректурой). Сообщите в этом случае также, какое количество экземпляров Вы желали бы выпустить или Вы эти вопросы передаете на наше рассмотрение.

С нетерпением жду Вашего ответа.

Преданный Вам *Марк*

P. S. Вашу брошюру мы выпустим в издании «За партию».

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 24. Л. 1-2.

№ 3

А. И. Любимов - Г. В. Плеханову

16 ноября 1914 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Только вчера получил я от Раппопорта Вашу рукопись. Сегодня был в типографии, но еще не сдал ее в печать, ибо надо договориться по поводу разных деталей, в том числе, по поводу цензуры. Говорят, что цензура здесь только для периодических изданий - во всяком случае, надо навести справки.

Когда в Вашем письме к Раппопорту Вы писали об «imbeciles»[a] из «Голоса», Вы попали не в бровь, а в глаз и самому Раппопорту, который оказывается ярым голосовцем и противником Вашей точки зрения (все это не мешает ему сотрудничать у Эрве)[13]. Пишу Вам об этом для того, чтобы показать настроение нашей здешней партийной публики. Относительно Левы я ошибся: он не колеблется и стоит на точке зрения «Голоса» вполне определенно. У меня были здесь уже беседы с Вашей публикой; на днях думаем собраться и потолковать вплотную. Нас здесь осталось человек 20 партийцев.

Что особенно поражает, это - полное незнакомство публики со взглядами на войну основателей и вождей Интернационала, словно и не было на свете ни Маркса, ни Энгельса, ни Бебеля, ни Лассаля. Впрочем, когда в беседе с Раппопортом я ссылался на Энгельса, он ответил: «Ну да, но ведь знаете, Энгельс тоже был националистом». Извольте спорить!

С Левой я спорил довольно долго: он считает недостаточной Вашу аргументацию относительно опасности навязанного Германией торгового договора и, как все прочие, кроме того, из антицаризма строит всю тактику наших с.-д. в настоящий момент, и на мой вопрос определенно ответил, что, если б было возможно добиться свержения царизма ценой миллиардной контрибуции, отчаянного [?] торгового договора и уступки немцам Польши и Прибалтийского края, - следовало бы это сделать. Люди не видят дальше своего носа и не понимают, что, при таких условиях, свержение царизма произошло бы с согласия Вильгельма, который через год реставрировал бы его в прежней красе и силе. При таких условиях и такой разноголосице нечего и думать пока об издании № 6 «За партию». Я решил поэтому издать Вашу статью отдельной брошюрой. А после ее выхода и взаимных объяснений можно вырешить и вопрос о «За партию».

Если договориться не удастся, может быть, лучше будет издать единомышленникам сборник статей, посвященных вопросу о войне. Сделать это надо и это, м[ожет] б[ыть], будет лучшим выходом из положения. Типография, между прочим, соглашается держать набор 2 недели, так что будет время послать Вам корректуру и получить ее от Вас обратно. Брошюру думаю издать в 32 стр., такого формата, чтоб можно было ее посылать в конвертах. О дальнейшем Вас извещу.

Преданный Вам

Марк

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 26. Л. 1-2.

---

[a] Нелепый, глупый (фр.).

№ 4

А. И. Любимов - Г. В. Плеханову

19 ноября 1914 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Сегодня я сдал в набор Ваш манускрипт. В одном из предыдущих писем я высказывал предположение, что брошюру Вашу мы издадим от имени ред[акции] «За партию». В настоящее время от этого предположения приходится мне отказаться. По подсчете, у ред[акции] оказалось мало денег, и брошюра будет издаваться на частные сборы (в том числе 50 фр. Цюрихск[ой] гр[уппы]), а среди этих источников есть и такие, которые, разделяя Ваши взгляды о войне, не были до сих пор в каких-либо организ[ационных] отношениях к «За партию», есть и такие, которые, считая необходимым выяснить спорный вопрос, готовы помочь довести и взгляды другой стороны до широкой публики. Потом я совсем не принял во внимание того обстоятельства, что, издавая брошюру от имени редакции, я должен был бы ознакомить с нею членов редакции, а по нынешним временам, принимая во внимание, что одни живут во Франции, другие в Швейцарии, а третьи в Италии, на это ознакомление пришлось бы потратить несколько недель. И наконец, самое важное, я уже писал Вам о настроении здешней нашей публики. Они думают, что, издавая брошюру от имени «За партию», мы сделаем всех партийцев ответственными за ее содержание, а, с Вашей точкой зрения, они не согласны. Я думаю, что для Вас не имеет значения, если брошюра не будет издана ред[акцией] «За партию». Но, если я в этом ошибаюсь, я очень прошу тогда Вас протелеграфировать мне об остановке работы, дабы потерпеть меньше убытков.

Я не понимаю, что сделалось с нашей публикой! Все стали прямо «одержимые».

На днях я указывал Леве, что упреки нас (т. е. Вас и Ваших единомышленников) в том, что мы якобы отказываемся от борьбы с царизмом, исходят от нечистой совести, ибо «Голос» и К° чувствуют, что успех в борьбе с царизмом в настоящий момент может быть достигнут только ценой нашего поражения. И когда я задал ему конкретно вопрос, считает ли он возможным и допустимым свержение царизма ценой уступки германскому империализму западных и прибалтийских провинций, ценой миллиардной контрибуции, ценой хищнического торгового договора, он (т. е. Лева) мне ответил: «Какой бы ценой ни было, но только свергнуть».

Я ему указывал, что революция, купленная такой ценой, была бы банкротством и с социалистической, и с демократической, и с национальной точки зрения, что, наконец, такая революция могла бы произойти только с разрешения Вильгельма, который через год реставрировал бы Николая, но все эти доводы мало помогают. Мне иногда кажется, что публика просто напугана кампанией «Голоса», Луначарского[14] и др. и боится высказать то, что думает. На этих днях мы устраиваем собрание «партийцев» для выяснения вопроса о войне. О результатах и о прениях Вас извещу.

Преданный Вам *Марк*

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 28. Л. 1-2.

№ 5

Г. В. Плеханов - А. И. Любимову[a]

San Remo *22 ноября 1914 г.*

Дорогой товарищ Марк,

я вчера получил Ваше письмо и очень обрадовался, узнав, что Вы, наконец, получили мою рукопись. Чем скорее она появится, тем приятнее будет для меня, так как мои взгляды жестоко искажаются. Я думаю, что нет надобности посылать мне гранки (в Сан-Ремо), если Вы только будете настолько любезны, чтобы сверить набор с рукописью. Вот авторская поправка, которую необходимо будет сделать: там, где я говорю, что поражение Германии вызовет усиление в ней революционного движения, безусловно необходимо вставить слова: «при нынешних обстоятельствах». Иначе у читателя может остаться впечатление формального противоречия с тем, что предшествует. Очень прошу Вас, не забудьте сделать эту вставку.

Если цензура будет делать затруднения, телеграфируйте, а лучше напишите письмо express[b]: Геду (Monsieur Jules Guesde, ministre, Bordeaux[c]) и сообщите ему, что мне мешают защитить печатно мой взгляд на войну, qui est, a peu de chose pres, le sien[d]. Я думаю, это будет полезно. Впрочем, возможно, что затруднений не будет, а корректура будет уже в дороге в то время, когда Вы получите мое письмо.

Вы совершенно правы, говоря, что господа из «Голоса» - большие невежды. Прибавлю одно: Ленин обнаруживает такое же невежество. По всему видно, что эти джентльмены понятия не имеют о современном империализме. Меня удивляет, что Алексинский не ударился во мнимо-революционную фразеологию. И я очень рад его революционной трезвости.

Кстати, если бы Польша отошла к Германии, то от этого наше экономическое развитие не потеряло бы, а выиграло. Страшно не это. Страшен торговый договор, который сделал бы из России дурно оплачиваемую земледельческую колонию Германии; страшно финансовое иго огромной контрибуции. Быстрое развитие капитализма залог нашего освобождения. Жму руку.

P. S. Очень прошу Вас, торопитесь выпустить мою брошюру. В Цюрихе на нее собрали более 50 fr.[e]

Г[еоргий] В[алентинович]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 19. Л. 1-2.

№ 6

А. И. Любимов - Г. В. Плеханову

28 ноября 1914 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Вчера я отправил Вам корректуру, а через два-три часа получил Ваше письмо, в котором Вы предоставляете мне выпустить брошюру, не посылая корректур Вам. Я, конечно, мог бы это сделать, корректура не затруднила бы меня нисколько, об этом не может быть даже речи. Но раз корректура уже послана, я предлагаю Вам, по ее просмотре, если

---

[a] При письме сохранился конверт с припиской рукой Р. М. Плехановой, сделанной, вероятно, при обработке архива: «Интересный отзыв о Ленине, войне и ее последствиях».

[b] Экспресс-почта (фр.).

[c] Г-ну Жюлю Геду, министру, Бордо (фр.).

[d] Который почти полностью совпадает с его взглядом (фр.).

[e] Приписано Плехановым в левом верхнем углу первой страницы.

Вы захотите ускорить выход брошюры дней на шесть, протелеграфировать мне, чтоб я выпустил брошюру, не дожидаясь возвращения корректур. Со своей же стороны, должен заметить следующее: было бы хорошо, если бы Вы перевели на русск[ий] язык итальянскую цитату: итальянский язык знают немногие; потом, мне кажется, в немецкой цитате Меринга (в подстрочном примечании) у Вас пропущено несколько слов. Немецкого подлинника книги я здесь не нашел. Посланную Вам корректуру я раз просмотрел. Первоначально она была набрана с большими пропусками, возможно - есть много ошибок и в посланном Вам, но, во всяком случае, если Вы корректуру предоставите мне, я ее внимательно просмотрю и за исполнение ручаюсь. Значит, вопрос в итальянской цитате и в цитате из Меринга.

Брошюра будет издана в обложке, на которой я предлагаю напечатать:

Г. В. Плеханов. О войне. Гласный ответ тов. З. П.[a]

В таком случае, слова «Гласный ответ» и т. д. в начале текста можно выбросить. Если издание будет от имени цюрихской группы, как предлагает Дневницкий, и с чем, по его словам, согласны и Вы, на обложке сверху поставим «РСДРП». Впрочем, с этим надо еще подумать из-за цензурных условий.

«Голосовцы» с каждым днем повышают тон по отношению к нам и в это же самое время начали публиковать список сотрудников, где кроме Лозовского красуется Лева[b] и Раппопорт, еще недавно сотрудничавший в la Guerre Sociale. Скандал! В ред[акцию] «Голоса» получаются статьи и в защиту занятой Вами позиции. Между прочим, получена ст[атья] от тов. Трояновского[15] - ленинца, сотрудника «Просвещения». Говорят, он выступает против позиции «Соц.-Дем.», исходя из Вашей точки зрения. Я иногда думаю, что при таких условиях, было бы хорошо издать сборник статей о войне, пригласив в него авторов различных течений, но одинаково (по существу) рассматривающих вопросы, поставленные войной и связанные с нею. Это имело бы большое значение, при невозможности для нас издавать какое бы то ни было периодическое издание.

Преданный Вам *Марк*

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 29. Л. 1-2.

№ 7

Г. В. Плеханов - А. И. Любимову[c]

Сан-Ремо *3 дек[абря] 1914 г.*

Дорогой т. Марк,

корректура исправлена мною сейчас же по получении и немедленно отправлена в Париж. Выправляя ее, я убедился, что переписчица кое-где неправильно передала текст, а в знаках препинания обнаружился большой и невыгодный для статьи произвол. Поэтому я решил не посылать Вам телеграммы с просьбой о немедленном выпуске брошюры: лучше подождать 5-6 дней, но выпустить брошюру с исправленным текстом.

Насчет заглавия я полагаю так: лучше выпустить слово «гласный», а оставить просто: «ответ» и т. д.

---

[a] В оригинале, рядом с заглавием брошюры, карандашные пометки рукой Плеханова (?).

[b] Лева - Л. Владимиров.

[c] При письме сохранился конверт с припиской рукой Р. М. Плехановой: «Об отношении к "партии дурак[ов]"».

Было бы желательно, чтобы выпуская этот ответ отдельной брошюрой, было прибавлено два слова от издателей: это письмо было, мол, написано в ответ одному болгарскому товарищу; мы печатаем его, полагая, что оно имеет общий интерес. И только.

Я вполне согласен с тем, что хорошо будет обозначить на обложке, что брошюра издается цюрихской группой[a] (но необходимо прибавить: партийцев).

Если мое предложение касательно маленького предисловия замедлит выпуск брошюры (например, потому, что понадобится сноситься с цюрихчанами), то я беру назад предложение это.

Насчет сборника вполне с Вами согласен и снесусь с Нерви, чтобы узнать, нельзя ли прочитать там реферат и тем облегчить (материально) выпуск сборника.

Так как очень желательно выпустить мой ответ З. Петрову как можно скорее, то прошу Вас, товарищ Марк, по своему единоличному усмотрению решать все те вопросы, которые могли бы возникнуть в связи с его выпуском.

Что парижские дураки на меня нападают, это me laisse froid[b], а вот что Вы, кажется, согласны со мною, это меня очень радует.

Преданный Вам *Г. Плеханов*

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 20. Л. 1-2.

№ 8

М. Любимов - Г. В. Плеханову[c]

7 декабря 1914 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Корректуру от Вас получил еще позавчера и тотчас же сдал в типографию. Завтра окончательно готовый оттиск относим в цензуру, где он может пролежать дня 3-4. По получении из цензуры, брошюра выйдет в свет без замедлений. Имею надежду, что, м[ожет] б[ыть], в эту субботу она будет уже готова. Из Цюриха я получил телеграмму - они соглашаются быть издателями брошюры, но не в качестве группы партийцев, как бы хотели Вы, а как 2-я Цюрихская группа. Правда, группа их почти вся состоит из партийцев и все время стояла на нашей позиции, но в нее могут входить, а, м[ожет] б[ыть], даже в ней и находятся и не партийные элементы.

Т[ак] к[ак] кроме того у меня являлось сомнение - не обратит ли цензура внимание, что в Париже издается брошюра цюрихчанами, - я решил фирму издателей выбросить. Т[аким] обр[азом], отпал и вопрос о предисловии. Впрочем, все равно из-за предисловия пришлось бы задержать выход брошюры еще дней на пять, а больше ждать нельзя.

Надеюсь, что за все это Вы не будете на меня в претензии[d].

Как только брошюра выйдет, я пошлю Вам немедленно несколько[e] экз[емпляров] в конверте, а одновременно на Дневницкого экз[емпляров] 200 для Италии и Ниццы - посылкой[f].

Вы пишете, что согласны с предложением о сборнике и даже собираетесь предпринимать практические шаги, чтобы облегчить

---

[a] Плеханов зачеркнул слово «партийцев» и в скобках дал разъяснение.

[b] Это меня не трогает (фр.).

[c] В оригинале, рядом с отмеченными местами карандашные пометки, вставки и отчеркивания, вероятно, сделанные Плехановым. Возможно, им были отмечены, в том случае, если ответ писал не он сам, положения, на которые следовало обратить внимание и дать соответствующий ответ или комментарий.

[d] Абзац отмечен карандашом и стоит цифра 1.

[e] Сверху надписано «несколько», зачеркнуто 2.

[f] Абзац отмечен цифрой II.

материально его выпуск. Если Вы согласны также и с тем, чтоб в сборнике были помещены статьи авторов различных течений, сходящихся во взглядах на войну, то, м[ожет] б[ыть], Вы сообщите, кого иметь в виду и, в частности, согласны ли на участие в сборнике Алексинского и Трояновского[a] (ленинец), статья которого о войне была помещена в двух номерах «Голоса». Если, в принципе, согласны на их участие, то, м[ожет] б[ыть], следовало бы запросить их на этот счет не откладывая? М[ожет] б[ыть], нужные для издания сборника средства могут быть внесены от других его участников?

Буду на эти вопросы ждать от Вас ответа.

Вчера я читал доклад о войне нашим здешним партийцам. Защищал Вашу точку зрения. В следующее воскресенье будут возражения.

Леву, Лозовского, Раппопорта, конечно, не переубедишь, но у меня есть надежда на других членов нашего клуба, что они откажутся от позиции «Голоса» (сторонников Ленина среди здешних партийцев нет).

Преданный Вам *Марк*

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 30. Л. 1-2.

№ 9

А. И. Любимов - Г. В. Плеханову

15 декабря 1914 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Одновременно посылаю Вам 5 экз[емпляров] Вашей брошюры. Завтра вышлю на Дневницкого 150 экз[емпляров] - для Италии и Болгарии. Если этого недостаточно - могу выслать еще; отпечатано всего 1500 экз[емпляров]. Так что, если пяти экземпляров будет Вам лично недостаточно, обратитесь к Дневницкому, Вам же спешу послать прямо со станка. Я Вам писал уже о моем докладе в клубе. Позавчера было второе собрание, где мне возражали, главным образом, Лозовский и Лева. Но и здесь, в частной беседе, как и из «Голоса», я не мог понять «чего им надо». Лозовский все-таки говорил немного связнее и сводил всю свою позицию к тому, что в России соц.-демократы должны вести работу по-прежнему, как будто войны и не существовало. Если же подобная тактика помешает «обороне», мы должны сказать властям: «tant pis pour vous»[b]. Лева пытался защитить нем[ецких] соц[иал]-дем[ократов] от упреков в оппортунизме, а также думает, что победа Германии меньшее зло, чем победа России, а нас (т. е. Вас и нас в придачу) не называет иначе, как Франками и Зюдекумами[16].

После их речей у некоторых товарищей сразу просветлели головы и они склонились к нашей позиции.

Было бы чрезвычайно желательно, чтоб изложение наших взглядов не остановилось на Вашей брошюре. «Голос» сильно расходится и всюду вред приносит немалый. Если не удастся сборник - м[ожет] б[ыть], можно будет взяться за что-либо иное - за издание небольшого еженедельного листка-бюллетеня или, м[ожет] б[ыть], Вы напишете еще статью - материал накопляется с каждым днем. Молчать же невозможно!

Сейчас я обращаюсь к Вам, Георгий Валентинович, с очень большой просьбой. Мне удалось начать переписку с нашими товарищами, ушедшими волонтерами. На днях я получил от одного из них письмо. Он находится в траншеях и об их житье-бытье пишет очень тяжелые вещи. Дело в том, что их всех, как волонтеров, определили в иностранные легионы, в те самые, в которые записываются все подонки общества, беглые каторжники, немецкие дезертиры и пр. и т. п.

---

[a] Абзац отмечен карандашом и цифрой III.

[b] Тем хуже для вас (фр.).

Смешав их с этой публикой, начальство и на них начало смотреть как на преступников. Атмосфера сделалась невозможная: отношение с солдатами - как в тюрьме между политическими и уголовными. Были протесты, несколько пошло уже под военный суд...

В свое время Эрве поднял этот вопрос в la Guerre Sociale и после его кампании положение нашей публики улучшили, но только той, которая в то время была еще на выучке по французским городам. Те же, о которых я пишу, - это первые волонтеры, уже давно ушедшие на фронт. Конечно, в такое время трудно что-либо сделать, но я думаю, что, если б Вы написали об этом Геду и попросили его как-либо вмешаться в это дело, - могли бы, м[ожет] б[ыть], получиться хорошие результаты. Товарищи хотят только, чтоб их перевели во французские полки и избавили от уголовного соседства, - как волонтеры, пошедшие сражаться за Францию, - они имеют на это право. Мне бы очень хотелось получить от Вас ответ на эту просьбу. Больше я не вижу к кому другому мог бы обратиться. От вмешательства и посредничества Раппопорта не выйдет никакого толка. К Эрве относятся несерьезно и не всегда ему доверяют. Через Вас обратиться к Геду - я не вижу лучшего пути.

Видели ли Вы последний (№ 34) номер ленинского «Соц[иал]-дем[ократа]»[17]? Куда они пойдут дальше - трудно представить, но уже сейчас они себя изолировали от Интернационала не только организационно, но и идейно. Впрочем, теперь Интернационал в таком положении, что все можно делать безнаказанно.

Преданный Вам *Марк*

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 31. Л. 1-2.

№ 10

А. И. Любимов - Г. В. Плеханову

17 декабря 1914 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Письмо от тов. И. Аксельрод я получил только вчера. По указанным ею[a] адресам брошюру разошлю. Само собою разумеется, что с Алексинским и Трояновским войду в сношения. Я и предложение буду им делать от своего имени, но, само собою разумеется, что о сборнике речь можно вести только в том случае, если Вы будете в нем участвовать. Имеете ли Вы в виду еще кого-ниб[удь]? Дневницкий, кажется, еще не определил своей позиции; Ольгину я писал, но еще не получил от него ответа. Между прочим: вчера я видел Волонтера[18], он переписывается с тов. Дейчем и сообщает, что Дейч вполне и всецело присоединяется к Вашей позиции[19] и защищает ее среди американских товарищей[b]. М[ожет] б[ыть], можно было бы и его привлечь к участию в сборнике? Это, конечно, могли бы сделать только Вы. Адрес Дейча след[ующий]: Leo Deutsch. Clay Av. 1280. New York.

Говорят, что в «Голосе» получена ст[атья] Аксельрода, в которой он излагает совсем не «голосовскую» точку зрения[20]. Вы говорили в Лозанне, что во взглядах на войну Вы с ним договорились. Как Вы относитесь к его участию в сборнике[c]?

Собрать участников, распределить статьи и даже написать их - это еще не так трудно. Но вот финансовый вопрос стоит очень остро!

---

[a] В оригинале автором сделана описка: вместо слова «ей» указано местоимение «им».

[b] Фрагмент, включивший слова «вчера я видел... » до «... американских товарищей» подчеркнут, вероятно, Плехановым, красным карандашом.

[c] Абзац также подчеркнут красным карандашом.

Я имел разговор с типографией. Если сборник будет не меньше 4 листов, т. е. 160 тысяч букв (а он, конечно, не может быть меньше даже при пяти участвующих лицах), то стоимость листа полная в расчете на 1000 экз[емпляров] будет 90 фр., т. е. 360 фр. вся книжка. Я надеюсь сборами и от продажи сборника получить фр. 160, остается еще 200. Вы надеялись на реферат в Нерви, возможно, что Алекс[инский] и Трояновск[ий], в случае согласия, внесут лепту, если бы, так[им] обр[азом], набралось хотя бы сто фр., на остальные сто фр. я надеюсь иметь кредит в типографии на несколько месяцев, в течение которых мы могли бы дособрать эти деньги. Вопрос, конечно, изменяется, если вместо 4-5 участников в сборнике будут участвовать человек 7-8 и размером он будет не в 4, а, м[ожет] б[ыть], в 7 листов. Кредит на 370 фр. я получить не смогу, да и собрать такой суммы мы не будем в состоянии. М[ожет] б[ыть], в этом случае установить, что за вычетом собранных денег и вырученных от продажи, каждый участник оплачивает сам свою статью с известной рассрочкой? Принцип, надо сказать, новый, но иначе ничего не поделаешь, а выпустить сборник чрезвычайно необходимо ввиду той путаницы, которую производят голосовцы, ленинцы и пр. публика. Что Вы скажете на все это?

Наконец, обращаюсь к Вам в связи с вопросом о распространении Вашей брошюры. Я послал Дневницкому 150 экз[емпляров] для Италии и для Ниццы. Он изумился такому количеству и думает, что больше 40 экз[емпляров] ему не надо. А этому уже я чрезвычайно удивляюсь, в свою очередь. Одна Лозанна просит себе около 100 экз., неужели на всю Италию, на С.-Ремо, Милан, Нерви, Рим, Неаполь потребуется только 40 экз[емпляров]? Я боюсь, м[ожет] б[ыть], у Дневницкого нет связей с другими городами? Если у Вас есть какой-ниб[удь] товарищ, который взялся бы за распространение Вашей брошюры по Италии, (м[ожет] б[ыть], за это взялся бы Ольгин - он живет в Милане), тогда укажите ему на Дневницкого, пусть он заберет у него брошюру, а в дальнейшем, в смысле распространения и расчетов, пусть ведет дело со мною, и дайте ему, пожалуйста, мой адрес, а мне сообщите его адрес. Я же, лично, никого в Италии не знаю. Также, м[ожет] б[ыть], у Вас есть кто-либо в Лондоне, кто мог бы взяться за распространение и продажу брошюры: у нас там никого нет. В таком случае, тоже свяжите это лицо со мною.

Извините, что беспокою Вас этими организац[ионными] делами, но из-за войны связи сильно распались и расшатались, и многое приходится налаживать сначала.

Преданный Вам *Марк*

P. S. Если Вы предпочитаете издать сборник без Алексинского и Трояновского, так сказать «своими силами», я, конечно, ничего не могу иметь против этого. В конце концов, чем меньше участников, тем более облегчается финансовая возможность издания.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 32. Л. 1-2.

№ 11

А. И. Любимов - Г. В. Плеханову

8 января 1915 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Вашу телеграмму о присылке брошюры я получил и в тот же день отправил на имя Дневницкого еще 50 экз. почтой, заказным.

Вот досадная история! Еще 17-го декабря я послал Дн[евницкому] 150 экз. По получении Вашей телеграммы ходил в транспортную контору, потом мне сказали, что на юг Франции отправляют сейчас много раненых, потому сообщения с Италией очень неправильные и посылки большой скорости задерживаются неделями. Сказали, что

reclamation[a] на жел. дор. можно с успехом на внимание сделать лишь тогда, если посылка не получится в Сан-Ремо числа 10 января.

Недели 2-2 $^1/_2$ назад я послал Вам письмо, где писал о сборнике и, между прочим, просил у Вас связей в Лондоне для распространения брошюры. Ответа не имел, боюсь, не затерялось ли и это письмо.

Связи в Лондон я, наконец, нашел и пока послал туда 50 экз. Брошюра расходится, и я надеюсь, что разойдутся все 1500 экз. На сторонников Ваших взглядов она произвела очень хорошее впечатление, приходится слышать об этом со всех сторон, в частности, от Дневницкого, Трояновского, получаются письма от волонтеров с фронта [...][b] и т. д. Что касается противников, то их отношение Вам известно из «Голоса». Ну и хороши же оказались наши Левы, Лозовские и пр. К°! На днях в «Голосе» выступит против Вас Раппопорт.

Вчера я видел Волонтера. Он читал мне письмо Дейча. Дейч вполне разделяет Ваши взгляды, чрезвычайно резко относится к позиции «Голоса» и послал туда статью с изложением своих взглядов, но ее, кажется, не напечатают. Спрашивал я Волонтера, чем объяснить, что они в каждом номере нападают на Вас и в то же время во всех 100 №№ не сказали ни звука о ленинском «Соц.-дем.». Он ответил, что они Ленина не считают опасным и решили всеми силами бороться против националистов-шовинистов (т. е. против нас). Они думают, что одержали над нами победу, и когда она будет окончательная, примутся за Ленина. Но тут же проговорился, что против Ленина боятся выступать, дабы не разругаться между собою! Конечно, до победы над нами им очень далеко, но оставлять их без ответа не следует, и я думаю, что нам надо организовать наше выступление в какой бы то ни было форме. Я лично другого - кроме сборника, не вижу. Я писал Алексинскому и Трояновскому. Алексинский уже давно ответил согласием и остановка сейчас за Трояновским. Он отнесся к сборнику очень сочувственно, но, очевидно, не вполне понял мое предложение, и потому сделал много оговорок. Я ему ответил с разъяснениями и со дня на день жду ответа. По получении его Вас извещу и тогда сообщу, как может обстоять дело с финансовой стороны. Теперь же, если Вы согласны в принципе на сборник, чтоб потом не тратить времени, было бы желательно определить темы, кот[орые] необходимо было бы разработать. Я думаю, что необходимы были бы статьи:

1. О наших задачах в России. Статья на эту тему уже написана мною.

2. О задачах социалистов в Зап[адной] Европе, гл[авным] обр[азом], Германии, Франции, и разбор позиции, занятой ими.

3. Отношение Интернационала к войне. Нечто вроде исторического очерка, дабы ознакомить публику с тем, по-видимому, неизвестным ей фактом, что Интернационал и его вожди были чрезвычайно далеки от пошлой «голосовской» политики.

4. Необходимо было бы разобрать «Голос» и разоблачить его фразеологию. Впрочем, в Вашей статье Вам вряд ли удастся теперь обойти их молчанием. Тогда эта тема, конечно, падает[c].

5. Чрезвычайно была бы желательна статья экономического характера, которая на цифрах объяснила, что теряла бы Россия в случае поражения и как отразился бы на ее экономическом развитии неблагоприятный торговый договор.

Что касается написанной мною статьи, я посылаю ее Дневницкому и прошу передать Вам. А Вас, Георгий Валентинович, очень прошу отнестись к ней возможно строже и сказать мне Ваше о ней мнение вообще, а также годится ли она для сборника, если таковой у нас

---

[a] Жалоба, претензия (фр.).

[b] Зачеркнуто автором.

[c] Последние два предложения приписаны между 4 и 5 пунктами.

наладится. Рукопись попрошу Вас возвратить мне, т[ак] к[ак] у меня не осталось копии.

На днях Дневницкий сообщил, что он и тов. И. Аксельрод послали статьи в «Голос». Не следовало бы нам ходить туда, где нас так сильно ругают. Мне кажется, что оба они сделали большой промах, кот[орый] на нашу публику подействует очень неблагоприятно. Уж лучше постараться организовать что-либо свое.

Преданный Вам *Марк*

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 33. Л. 1-2.

№ 12

А. И. Любимов - Г. В. Плеханову

2 июня 1915 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Сегодня получил письмо от Дневницкого, где он извещает о своем отъезде. В этом же письме он сообщает о том, что не получил рукописи от Алексинского.

Вступление Италии в войну[21] и прекращение почтовых сношений с Францией отразилось печально и на нашем сборнике[22].

Дело в том, что 20-го мая я послал тов. Дневницкому дополнения к моей статье, ст[атью] Алексинского, наш проект общего заявления в начале сборника и статью Иды Исааковны[23]. Эта статья нуждалась в сильной стилистической переделке, и, чтоб избежать трудной корректуры, я отослал ее для исправления обратно. И, если теперь, когда весь пакет затерялся, можно еще восстановить ст[атью] Алексинского и проект заявления, то ст[атья] Иды Исааковны погибла безвозвратно и, если мне не возвратят пакета до окончательной верстки сборника - ст[атьи] Иды Ис[ааковны] в нем не будет. Это чрезвычайно жаль, ибо тема ее статьи была очень интересна, но винить в происшедшем некого. Я надеюсь на одно, что т. Дневницкий выдал кому-либо доверенность на получение его корреспонденции и, т[аким] обр[азом], посланные статьи, может быть, попадут к Вам или к т. Аксельрод, и мы успеем поместить их. Очень жаль также, что Вам не придется познакомиться предварительно со ст[атьей] Андронникова (К. Кахели)[24]. Сейчас положение со сборником таково: набраны статьи Андронникова, Дневницкого, Дейча и половина Вашей. Надеюсь, что работа будет окончена дней через пять-шесть. Корректуру держу я.

Я посылаю Вам проект общего заявления, составленный мною[a] по проекту Дневницкого, слегка изменив и дополнив его. Если это письмо Вы получите не позднее 10-го июня, то телеграфируйте, пожалуйста, согласны Вы или нет с моим проектом. Если не будете согласны, мы напечатаем проект Дневницкого; надеюсь, что Алексинский на это согласится. Пересылаю Вам также проекты двух внесенных мною в наш клуб резолюций. Очень бы хотелось знать Ваше о них мнение. Собрание клуба будет числа 12-го и если б к тому времени я мог бы получить от Вас замечания на эти резолюции, был бы очень доволен, ибо резолюции пойдут в печать (в «Н[аше] сл[ово]»).

Здесь ходят слухи, будто Вы приезжаете скоро в Париж. Если б это было так, и т[ак], к[ак] Дневницкий пишет, что Вы уезжаете из С.-Ремо через десять дней, - тогда можно было бы задержать выход сборника до Вашего приезда - Вы могли бы познакомиться со статьями Андронникова и Алексинского.

Преданный Вам *Марк*

---

[a] Приписано автором в конце страницы: «С ним согласны Алексинский и Андронников».

Проект общего заявления для сборника.

Война не только потребовала от Интернационала определенных практических действий, но и поставила перед ним целый ряд самых сложных и подчас непредвиденных вопросов. И нет ни одной социалистической партии, ни одной секции Интернационала, в которых по поводу этих вопросов не проявились более или менее серьезные, более или менее глубокие разногласия.

Не избегла этой участи и российская секция. Даже больше: в ней, как всегда, расхождения приняли самые резкие формы.

До настоящего времени почти единственными выразителями с.-д. мнения о войне являлись в нашей партии газеты «С[оциал]-д[емократ]» и «Н[аше] сл[ово]». Необходимо[a] противопоставить взглядам этих органов взгляды, которые защищаем мы, противопоставить революционной фразеологии - революционное мировоззрение, догматическим решениям диалектический метод, ибо и к войне с.-д. не должны подходить с готовыми формулами, а должны определять свое отношение к ней экономическими и политическими интересами раб[очего] класса, как они складываются в наст[оящее] время.

Участники сборника до войны принадлежали к различным течениям нашей партии. Вполне понятно поэтому и естественно, что они подходят ко многим вопросам, выдвинутым войной, с различных точек зрения. Но все мы согласны между собой в том, что непосредственная ответственность за войну падает на германское и австрийское правительства, набросившихся на Сербию и нарушивших неприкосновенность Бельгии.

Все мы согласны в том, что окончательная победа Германии была бы весьма вредна для дела европейской демократии, не исключая и демократии немецкой.

Все мы согласны в том, что эта победа повредила бы также дальнейшему экономич[ескому] развитию России и, следовательно, затруднила бы эмансипацию русского пролетариата.

Все мы согласны в том, что такому исходу войны социалисты никак не могут сочувствовать. Более того. Против такого исхода ее они обязаны всеми силами бороться.

Вот те пределы, в которых все участники сборника вполне согласны между собой и за которыми каждый из нас оставляет за собою полную свободу своего соц.-дем. мнения.

Проекты внесенных мною в клуб резолюций.

I. Исходя из того соображения, что империалистический характер войны отнюдь не исключает для социалистов обязанности исследовать конкретные непосредственные причины, к ней приведшие, и что к настоящей войне, как и ко всем прочим, мы, социалисты, обязаны относиться не с точки зрения «вечных» истин, а принимая во внимание классовые интересы пролетариата, как они складываются в настоящее время и констатируя,

1) что настоящая война, спровоцированная австрийским и германским правительствами, носит агрессивный с их стороны характер и имеет целью навязать Бельгии, Франции, России и другим странам Европы экономическое иго Германии;

2) что победа Германии и Австрии означала бы аннексию Бельгии и Сербии, полный разгром Франции, экономическую гегемонию Германии над всей Европой, разгром европейской демократии и восстановление нового священного союза трех императоров;

3) что такой результат войны надолго задержал бы дальнейшую борьбу европейского и международного пролетариата за демократию и за социалистические идеалы, мы заявляем:

---

[a] Надписано сверху вместо зачеркнутого: «Мы думаем, что пришло время...» и далее по тексту.

1) что при таких обстоятельствах пролетариат Бельгии, Франции, Англии и России, защищая свои страны от нападения, имеющего целью разгромить их и привести в полную зависимость от победителей, вместе с тем защищает интересы пролетарского движения в целом, т. е. выполняет лучшие заветы Интернационала;

2) что борясь, как всегда, против всяких попыток господствующих классов и правительств воспользоваться тяжелым положением пролетариата в своих узко-классовых интересах, пролетариат не должен, однако, поддаваться фразеологии мнимо-интернационалистов, которые, вместо того, чтобы подчинять непосредственные и ближайшие интересы пролетариата общим интересам движения, фактически эти последние подчиняют местным и временным интересам раб[очего] класса, и тем самым, под флагом революц[ионной] фразеологии, отравляют раб[очий] класс самым пошлым оппортунизмом;

3) что, в частности, российский пролетариат, принимая участие в обороне своей страны, отнюдь не должен прекращать своей борьбы с реакционным правительством, но должен вести ее так, чтоб не дать возможности использовать эту борьбу господствующим элементам воюющих с Россией стран, интересам которых, так же как и интересам самодержавия, противоречит освободительное движение в России, но которые, в случае успеха своих военных предприятий, будут располагать для подавления этого движения большими, чем самодержавие, силами и средствами;

4) что, ведя справедливую оборонительную войну, пролетариат союзных стран обязан зорко следить за тем, чтоб не дать ей перейти в войну агрессивно-наступательную и в подходящий момент обязан всеми силами добиваться прекращения войны и мира, который давал бы все возможные гарантии против повторения подобных боен, и в основу которого были бы положены требования, выработанные на Лондонской конференции социалистов союзных стран.

II. Исходя из положений, развитых в предыдущей резолюции, мы считаем ошибочной точку зрения абсолютного нейтралитета пролетариата нейтральных стран и вредной в тех из них, буржуазия и правительства которых непосредственно заинтересованы в том или другом исходе настоящей войны, и в которых пролетариат недостаточно силен и влиятелен, чтобы последовательно проводить нейтральность путем ли контроля над дипломатией своих правительств или путем недопущения каких-либо их переговоров с правительствами воюющих стран.

При невозможности исполнить эти условия, политика нейтралитета, как показал опыт, является таковой лишь на словах, а фактически прикрывает возмутительную, торгашескую политику «нейтральных» правительств, развращает сознание пролетариата и под интернационалистическими фразами скрывает самое узкое и ограниченное националистическое содержание.

При таких обстоятельствах, отказ от политики нейтралитета quand meme[a]:

дал бы толчок к организации всех тех элементов, которые заинтересованы в благоприятном для союзников исходе войны не из узких и эгоистических побуждений, а исходя из интересов демократии и социализма;

позволил бы вывести движение из тех узких своекорыстных рамок, в которых пытаются удержать его представители официальной политики

и тем обеспечил бы демократии и социализму влиятельную роль при ликвидации конфликта и при заключении мира.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 35. Л. 1-4.

(Окончание следует)

[a] Все-таки, тогда (фр.).

Примечания

[1] Речь идет о газете «За партию», издававшейся двумя парижскимигруппами меньшевиков и большевиков-партийцев с 16 (29) апреля 1912 по февраль 1914 г. (всего вышло пять номеров). В редакционной статье первого номера отмечалось, что, сознавая скромность своих возможностей и трудность момента, члены двух групп считают объединение не только возможным, но и необходимым. Корреспонденции из России сообщали о начинавшемся в стране революционном подъеме, попытках представителей фракций, совместных и односторонних, выступить в качестве единой партии, способной возглавить борьбу против самодержавия. В деятельности редакции близкое участие принимал Г. В. Плеханов, помещавший на страницах газеты свои статьи и предоставлявший ей материалы, предназначенные для опубликования в его «Дневнике социал-демократа». Газета преимущественно распространялась среди зарубежных групп. В России эту задачу должна была выполнять газета «Единство».

[2] *Владимиров М. К.* (наст. фамилия – *Шейнфинкель М. К.*) (1879-1925) - социал-демократ, большевик. В описываемый период в качестве представителя парижской группы большевиков-партийцев входил в состав редколлегии газеты «За партию».

[3] *Пантелей (мон) Дневницкий* (*Богомил*, наст. фамилия – *Цедербаум Ф. И.*, двоюродный брат *Мартова*) (1883-1941) - социал-демократ, публицист. В течение ряда лет исполнял обязанности секретаря Плеханова. По его поручению вел переписку с Ш. Раппопортом по вопросам борьбы с ликвидаторством, о взаимодействии партийных групп и их объединении. Сотрудничал с Плехановым в издании «Дневника социал-демократа» (1905-1912) и газеты «Единство» (1914, 1917-1918).

[4] В декабре 1913 г. МСБ приняло решение о проведении летом 1914 г. совещания фракций РСДРП с целью выработки единой платформы и их объединения. Накануне совещания представители ряда социал-демократических фракций Петербурга, совместно с зарубежными партийцами, приступили к изданию газеты «Единство». Одним из организаторов и членов редколлегии был Г. В. Плеханов. Общее руководство газетой в Петербурге и ее взаимодействие с заграничными группами, как следует из хранящихся в ДП документов, осуществлял А. Ф. Бурьянов, депутат IV Государственной думы. Он же выступил в качестве ее издателя. Всего было выпущено четыре номера, издание пришлось прекратить в связи с начавшейся Первой мировой войной.

[5] *Раппопорт Х. Л.* (1865-1940) - народоволец, социал- демократ, член группы парижских меньшевиков-партийцев, участвовал в работе Социалистической партии Франции. После начала Первой мировой войны занявший интернационалистские позиции Раппопорт отошел от Плеханова и его единомышленников.

[6] *Ольгин Валентин* (*Фомин В. П.*) - социал-демократ, меньшевик. Сотрудничал в изданиях: «Голос социал-демократа» (1908-1911), «За партию» (1912-1914), «Единство» (1914, 1917-1918). Некоторое время работал секретарем Плеханова. В ДП хранится его переписка с Плехановым (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 574).

[7] Имеется в виду статья Плеханова «О войне. Ответ товарищу З. П.», завершенная им 27 октября (по н. ст.) 1914 г.

[8] Брюссельское «Объединительное» совещание фракций РСДРП, созванное Исполкомом МСБ по решению МСБ с целью обмена мнениями по вопросу о возможности восстановления единства в РСДРП, состоялось 16-18 июля 1914 г.

[9] Вероятно, речь идет об основных положениях доклада В. И. Ленина о войне, прочитанного 6 сентября 1914 г. на собрании русской колонии в Берне. Охарактеризовав начавшуюся всемирную войну как империалистическую и династическую с обеих воюющих сторон, Ленин, в качестве первоочередной задачи русской социал-демократии, выдвинул тезис о безусловной борьбе с великорусским и царско-монархическим шовинизмом и софистической его защитой частью русского общества, выступивших с позиций необходимости обороны страны и помощи странам, которые подверглись германской агрессии. Лозунгом этой борьбы являлось превращение данной войны в социальную войну против национальной и международной буржуазии, пропаганда

социалистической революции и «превращением всех отдельных государств в республиканские Соединенные Штаты Европы» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 1-7). Принятые собранием в качестве резолюции, они были распространены среди русских эмигрантов, а спустя некоторое время, расширенные и дополненные, легли в основу манифеста «Война и российская социал-демократия» (Ленин В. И. Там же. С. 14-23).

[10] С рефератом «Об отношении социалистов к войне» Плеханов выступил 28 сентября (11 октября) 1914 г. в Лозанне. На реферате присутствовал и В. И. Ленин, принявший затем участие в прениях. Изложение доклада Плеханова и речи Ленина были опубликованы корреспондентом газеты «Голос» (№№ 31-33, 18, 20, 21 окт. 1914 г.), подписавшимся инициалами И. К. (Иван Киселев?). См. также: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 24-32; Ленинский сборник. Т. XIV. С. 124-131; Кентавр. 1992. Сент.-окт. С. 143-158. Газета «Голос» («Наш голос») - орган меньшевиков-интернационалистов, выходила под редакцией Мартова в 1914-1915 гг. в Париже.

[11] *Киселев И. А.* - социал-демократ, харьковский рабочий, эмигрировавший в Швейцарию, близко знал Плеханова и его семью, состоял с ними в переписке. Принимал участие в разоблачении провокаторской деятельности Парвуса, сотрудничал в газете «Призыв», журнале «Современный мир». Некоторое время исполнял обязанности секретаря в «Известиях». Расстрелян в Киеве в ходе гражданской войны (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 686. Л. 4-5). В ДП хранятся письма Киселева к Плеханову и ряд его статей (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 472; Ф. 1093. Оп. 4. Ед. хр. 148-149).

[12] Имеются в виду статьи Мартова «А Маркса оставьте в покое!» и «Война и т. Плеханов», опубликованные, соответственно, в №№ 35 и 41 (1914) газеты «Голос».

[13] *Эрве Гюстав* (1871-1944) - французский социалист-анархист. С 1906 г. издавал газету «La Guerre Sociale». На Штутгартском (1907) конгрессе II Интернационала, в качестве меры противодействия пролетариата в случае начала войны, предлагал организовать всеобщую стачку. Позиция Эрве, уравнивавшая в ответственности страну-агрессора и страну, обязанную защищаться от нападения, была подвергнута участниками конгресса критике (в том числе и Плехановым) как несостоятельная и отклонена. В годы Первой мировой войны Эрве встал на позиции оборончества и поддерживал факт вхождения французских социалистов в правительство.

[14] *Луначарский А. В.* (1875-1933) - социал-демократ, с августа 1917 г. большевик, после Октябрьской революции (до 1929) - нарком просвещения. В годы Первой мировой войны занимал интернационалистские позиции, сотрудничал в газетах «Наш голос» и «Наше слово», призывая к борьбе со сторонниками обороны и объединению интернационалистов, вне зависимости от разногласий по иным политическим мотивам.

[15] Вероятно, имеется в виду *Трояновский А. А.* (1882-1955) - социал-демократ, до начала Первой мировой войны - большевик. После окончания гражданской, в годы которой служил в Красной Армии, вступил в РКП (б). С 1927 по 1938 г. - на дипломатической работе. Во время Великой Отечественной войны работал в Совинформбюро.

[16] *Франк Людвиг* (1874-1914) - немецкий социал-демократ, с 1907 г. представлял партию в рейхстаге, голосовал за военные кредиты. Волонтером отправился на фронт и погиб в первые дни войны. Плеханов в своих работах этого периода и, в частности, в брошюре «О войне», писал о Франке не только как о человеке, ставшем жертвой собственных ошибок и собственной жизнью за них заплатившим, но, прежде всего, как о личности, совершившей нравственное преступление. Если в немецкой печати имя Франка превратилось в символ преданности Германии и социалистическим идеалам, то факт его добровольного ухода на фронт русскими и, особенно, зарубежными газетами интернационалистов неизменно отождествлялся с позициями русских добровольцев, выступивших на защиту Франции и России. *Зюдекум Альберт* (1871-1944) - немецкий социал-демократ, один из лидеров партии. С 1910 по 1918 г. - депутат рейхстага. В годы Первой мировой войны занимал наиболее жесткие шовинистические позиции по вопросу о невиновности Германии в развязывании войны, противодействуя складывавшейся в партии оппозиции. Имя Зюдекума, как и имена двух других членов рейхстага, руководителя правого крыла немецкой социал-демократической партии *Шейдемана Филиппа* (1865-1939) и *Георга Ледебура* (1850-1947), участника Циммервальдской конференции, стало

употребляться в собирательном значении, олицетворяя крайний национализм и агрессивность взглядов.

[17] Газета «Социал-демократ» - центральный орган РСДРП, редакция которого была избрана V (Лондонским) съездом, издавалась с 1908 по 1917 г. Фактическим редактором являлся В. И. Ленин. В № 34 за 1914 г., в статье, озаглавленной «Один немецкий голос о войне», Плеханов назван одним из тех, кто объявляет «проповедь гражданской войны проти буржуазии вредной «утопией»!!» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 94-95).

[18] *Павлович М. П.* (*Вельтман, М. Л. Волонтер*) (1871-1927) - социал-демократ, меньшевик, в период Первой мировой войны сотрудничал в парижской газете «Голос». После Октябрьской революции являлся зам. наркома просвещения Украины, ректором Института востоковедения.

[19] *Дейч Л. Г.* (1855 - 1941) - участник народнического движения, один из основателей группы «Освобождение труда». В описываемый период жил в Америке (1911-1916 гг.), совместно с Ингерманом в 1912 г. редактировал газету «Новый мир». В 1915-1916 гг. издавал журнал оборонческого направления «Новое слово», печатался в газетах «Призыв» и «Единство». После Октябрьской революции - автор многочисленных мемуаров по истории революционного движения; редактор сборников «Группа "Освобождение Труда"», вышедших в 1920-е гг., один из инициаторов создания Дома Плеханова.

[20] Имеется в виду данное П. Б. Аксельродом интервью корреспонденту газеты «Голос» и опубликованное в №№ 86-87 за 1914 г. Отвечая на вопросы корреспондента, Аксельрод назвал справедливой борьбу стран, подвергшихся агрессии.

[21] Италия вступила в войну на стороне стран Антанты, подписав 26 апреля 1915 г. Лондонский договор. В соответствии с ним, в мае того же года, она объявила войну Австро-Венгрии, а в августе 1916 г. Германии.

[22] Имеется в виду сборник «Война», изданный в Париже в 1915 г. В нем участвовали: Л. Дейч, Г. Плеханов, П. Дневницкий, Марк З-р, Ида Аксельрод, В. Ольгин, К. Кахели, Г. Алексинский. Общее заявление, текст которого приведен в письме, опубликовано в том же сборнике в виде предисловия к изданию.

[23] *Аксельрод И. И.* (1872-1918) - социал-демократ, литературный критик. Сотрудничала в центральном органе швейцарской социал-демократической партии газете «Berner Tagwacht», возглавляя литературный отдел. В годы войны стояла на оборонческих позициях, публиковалась в газете «Призыв».

[24] *Андронников* (наст. фамилия - *К. Э. Кахели*) - социал-демократ, меньшевик. В 1917 г. входил в Исполком по возвращению русских змигрантов в Россию.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

1998 № 3

«НЕОБХОДИМО ПРОТИВОПОСТАВИТЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ — РЕВОЛЮЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ...»

Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг.*

№ 13

Р. М. Плеханова — А. И. Любимову[a]

5 июля 1915 г.

Дорогой товарищ,

муж мой благодарит Вас за письмо и советует Вам, если у Вас имеются какие-нибудь цензурные затруднения со сборником, сходить к депутату Лонге. Он был у нас и обещал помочь в устранении затруднений, если таковые представятся. В случае же, если сборник вышел или выйдет на днях, пошлите, пожалуйста, один экземпляр нашей дочери замужней по адресу 11 bis rue Marbeau[b]; а другой — нашей дочери, врачу: Hôpital Beanson M-lle Plekhanoff docteur-medecin interne[c]. Вы нас очень обяжете, сделавши это.

Теперь, что касается Вашего волонтерства, то муж очень Вас просит, раньше, чем предпринять решительный шаг, приехать сюда повидаться с ним. Он обо многом должен с Вами потолковать очень важном для общего дела.

Ольгину муж передал только 10 fr., оставив 20 к Вашим услугам; он их Вам перешлет или передаст лично, если Вы решите приехать сюда. Муж Вам напишет через два дня: он весь погружен в окончание 2- го тома своей «Истории общест[венной] мысли», которое издатель беспощадно требует от него.

С тов[арищеским] приветом *Р. Плеханова*

Не знаете ли Вы чего-либо о «трагедии» с нашими товарищами в ин[остранном] лег[ионе], произошедшей совсем на днях? Кто потерпел? Имеются ли близкие товарищи среди них?[d]

РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 53. В. 481. 11. Л. 10–11.

---

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 1998. № 2.

[a] При письме сохранился конверт с припиской рукой неустановленного лица: «Роз[алия] Мар[ковна] о волонтер[стве]».

[b] 11-бис, ул. Марбо.

[c] Больница Бенсон, мадемуазель Плеханова, врач, живет при больнице.

[d] Приписка Р. М. Плехановой по левому края листа.

№ 14

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову

Женева *7 июля 1915 г.*

Дорогой т. Марк,

известие, заключающееся в Вашем последнем письме[25], просто ужасно. И, конечно, справедливо, что трагическая гибель наших несчастных товарищей будет использована не только против нас, но contre les alliés[a], использована в интересах германского империализма — pour le roi de Prusse[b]. Но мертвых не воскресишь, а тех, которые еще живы, надо отстоять, по возможности. Буду действовать, буду писать французским товарищам. Что выйдет, не знаю. Я уже писал — еще несколько месяцев тому назад — Геду, и он ответил мне, через Дюма, что они постараются облегчить участь наших товарищей, безо всякой вины отданных в дисциплинарные батальоны. Пока еще никакого облегчения, кроме расстрела и каторги, не вышло. Будем настаивать.

В виду происшедшего, Вам нечего и думать об engagement[c]. Ни в каком случае!

Дорогой товарищ, если эти мои слова не произведут на Вас желательного для меня впечатления, то прежде, нежели решите записаться, приезжайте сюда, поговорим об этом деле обстоятельно. Не забудьте этой моей просьбы.

Деньги (20 fr.) я завтра вышлю. Сборник получил. Вышел очень недурен. Скажите Алексинскому, что его статья[26] здесь всем очень нравится. Передайте ему мою благодарность за его книгу[27], которую я получил с любезной надписью. Жму руку.

Ваш Г. Плеханов

P. S. У меня был здесь Jean Longuet[28]. Я ему говорил о Вас. Обращайтесь к нему, когда что надо.

Longuet — можно видеть в *chambre*[d] от *4 до 6*[e].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 34. Л. 1–2.

№ 15

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову[f]

Женева *10 июля 1915 г.*

Дорогой т. Марк,

я надеюсь, что Вы уже получили то мое письмо, в котором я говорил о трагедии, случившейся в иностранном легионе. Думаю, что Вами получено и то мое письмо, где я выражал беспокойство насчет сборника, тогда еще невышедшего. Наши письма se croisaient[g], и потому получалось впечатление перерыва сношений. Теперь сношения восстановлены окончательно. Сборник я получил. Желательно было бы знать, какое впечатление производит он на читающую публику. А мне он очень нравится. Я, как Вы знаете, не читал в рукописи статьи

---

[a] Против союзников (фр.).

[b] Даром (фр.).

[c] О добровольном поступлении на военную службу (фр.).

[d] Палата депутатов (фр.).

[e] Текст P. S. приписан Плехановым в правом и левом верхних углах первой страницы письма.

[f] При письме сохранился конверт с припиской Плеханова, вероятно, сделанной по ошибке: «Отношен[ие] к «В[оле]» & Амфитеатр[ову]».

[g] Разминулись (фр.).

Кахели. Теперь, прочитав ее, с удовольствием вижу, что т. Ан[дронников] взял почти вполне правильную ноту. Он очень влиятелен на Кавказе, и его статьи будут содействовать очищению кавказских голов от анархо-синдикалистской пыли, в таком изобилии набравшейся в головы парижских выходцев[29] из России.

Теперь об этих выходцах. По-моему, нам не надо жалеть их, если они будут упорствовать в своей, с позволения сказать, «тактике». А если упорствовать не будут, то ведь они всегда могут высказаться печатно посредством резолюций, принятых на собраниях, — против Парвуса и компании[30]. Я не понимаю Ваших scrupules[a] *с этой стороны*. Точно также не подлежит сомнению, что Киселев не будет в состоянии выполнить дело разоблачения, как следует. Он сделает много ошибок и даст возможность неприятелю уйти. Для меня ясно, что лучше всего подходит к роли разоблачителя т. Алексинский. (В скобках прибавлю, что я тоже не гожусь для этого дела, да и времени у меня абсолютно нет). Итак, все говорит за Алексинского. Но тут, конечно, надо принять во внимание одно условие, которое представляет собой conditio sine qua non[b] : надо, чтобы все было проверено, прежде чем будет опубликовано. Иначе лучше и не браться за дело, потому что иначе они же выйдут триумфаторами, закричат о клевете и т. п. Да и помимо этого соображения, мы должны помнить, что нельзя *легкомысленно* выдвигать против кого бы то ни было *позорящие* обвинения.

С другой стороны, положение таково, что *бездействовать мы не имеем права*. Остается *осмотрительное до последней крайности* действие. За него я и высказываюсь.

Но, раз взявшись действовать, надо вспомнить, — именно ради осмотрительности, — пословицу: «ум хорошо, а два лучше». По-моему, если только Вы имеете материальную возможность эту [?], Вы должны были бы присоединиться к Алексинскому *для подготовления дела*, то есть — для проверки данных и вообще для солидного обоснования его. Вы, кажется, менее склонны к увлечению, нежели т. Алексинский. И Вы будете хорошим дополнением к нему. Повторяю, я имею в виду период подготовительный.

Посылаю Вам 20 франков. Одновременно с письмом к Вам посылаю письмо т. Алексинскому. Крепко жму руку.

Ваш Г. Плеханов

P. S. Повидайтесь с Лонге, это будет полезно.

Г. П.

P. S. Забыл прибавить, что в переговорах с редакцией «Н[ашего] сл[ова]» я не вижу надобности. Даже больше того. Мне представляется это шагом неосторожным, т. е. выгодным для противника. Так это мне представляется, но я понимаю, что эта сторона дела гораздо лучше видна Вам на месте, в Париже. Поэтому Вы должны принять мои слова, как выражение сомнения, а не как выражение уже сложившегося убеждения.

Ваш Г. П.

P. P. S. Алексинский прав, говоря, в письме ко мне, что доброе имя партии пострадает не от разоблачения, а от *неразоблачения*. Это-то для меня стоит вне сомнения.

---

[a] Щепетильность (фр.).
[b] Непременное условие (лат.).

Алексинский прав, говоря, что был бы скандал, если бы на деньги Парвуса основался легальный орган марксизма. И *мы* были бы *виновны*, если бы такой орган явился[a].

Г. П.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 35. Л. 1–4.

№ 16

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову[b]

Женева *23 июля 1915 г.*

Дорогой т. Марк.

Мне чрезвычайно жаль, что у Вас с т. Идой Аксельрод вышло недоразумение из-за известных Вам 20 франков. Я объясняю это недоразумение естественною и, может быть, неизбежною теперь нервностью, которая дала т. И. Аксельрод повод увидеть в Ваших словах что-то вроде упрека по ее или по моему адресу. Я думаю, это именно нервность, так как на самом деле никакого упрека не было, да, кажется, и быть не могло. Но так как это — нервность, то я Вас прошу не давать делу дальнейшего хода и рассматривать весь этот incident comme non avenu[c]. Что касается меня и моей жены, то прошу Вас верить, что нам и в голову не приходило — как бы это сказать... роптать, что ли, по поводу все тех же денег. Я сам Вам написал, что вышлю их и с удовольствием выслал, сожалея *только* о том, что не имел возможности выслать больше. Я знаю, как много трудились Вы для нашего сборника и умею ценить Ваши усилия. Вообще, раз уже зашла речь о наших взаимных отношениях, позвольте мне сказать Вам, что моя симпатия к Вам и, — что важнее, — мое к Вам уважение росли с каждым новым деловым письмом, получавшимся мною от Вас. Я жалею единственно о том, что судьба свела меня с Вами, может быть, слишком поздно. Говорю: «слишком поздно», имея в виду Ваше намерение записаться в ряды французской армии. Но и это намерение я очень уважаю, хотя мне и жаль было бы потерять такого товарища, как Вы. Я человек прямой и никогда не выражал своего уважения людям, которых не уважал, но Вам я выражаю свое уважение, потому что могу сделать это, оставаясь вполне искренним. А выражаю — затем, чтобы Вы видели, как далек я от каких-нибудь молчаливых упреков Вам по какому бы то ни было поводу. Напишите мне, удовлетворило ли Вас это мое объяснение. Если — нет, скажите, что нужно еще выяснить. Я вполне готов сделать это, ибо мне скрывать решительно нечего. Но, с своей стороны, прошу Вас, предайте это дело «суду и воле божией», как писали когда-то в наших судах. И не оставляйте меня в неизвестности насчет Вашего дальнейшего житья-бытья. Меня, разумеется, особенно интересует вопрос об engagement[d].

Я написал Бурьянову[31], что теперь надо голосовать за военные кредиты, хотя и с оговорками. Кажется, Вы тоже писали ему в этом смысле?

Теперь у меня к Вам просьба. Вот какая. В парижской Bibliothèque Nationale есть *«Архив князя Воронцова»*. Он должен быть и в каталоге,

---

[a] Этот фрагмент письма приписан Г. В. Плехановым в правом и левом верхних углах первой страницы.

[b] При письме сохранился конверт с припиской Р. М. Плехановой: «Интересное письмо Г[еоргия] В[алентиновича] об его отнош[ении] к Любим[ову]».

[c] Происшествие, как недействительное (фр.).

[d] Назначение на службу (фр.).

который давно перешел за букву А. В этом «Архиве» есть статья: *«Краткое изъяснение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина»*. Она помещена на *стр. 315–324 XXVI-го тома*. Для моей работы она мне необходима. *Ее надо списать*. Так вот, окажите мне услугу, найдите *грамотного и добросовестного* знакомого, который списал бы мне эту статью. Необходимо, чтобы списано было *без каких бы то ни было отступлений от текста*. И нужно, чтобы при переписке *отмечались начало и конец каждой страницы* (иначе невозможны ссылки). *Я с удовольствием заплачу за работу*, — разумеется, un prix plus ou moins raisonnable[a]. Ну, как вообще платят за переписку. Напишите, можно ли сделать это.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Г. П.

Муж очень просит раздобыть и выслать ему все 4 тома этого сочинения: James Guillaume *«L'Internationale»*.

Если в библиотеках нельзя достать, то, быть может, можно купить у какого-нибудь букиниста. Очень нужна[b].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 36. Л. 1–5.

№ 17

А. И. Любимов — Г. В. Плеханову

6 августа 1915 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Посылаю Вам статью из архива князя Воронцова, которую Вы просили переписать. Извините за опоздание; статью переписала моя жена, и, конечно, никаких расчетов быть не может. Если Вам вообще надо будет навести какие-либо справки в Нац[иональной] библиотеке — сообщайте, постараемся сделать все возможное.

Сегодня получилось известие о взятии Варшавы. Плохи дела у нас, ах, как плохи! Не приходилось предполагать такого поражения. Одно отрадно, что эти поражения не проходят бесследно и, судя по отрывочным телеграммам о Гос[ударственной] думе, возбуждение большое.

К сожалению, франц[узская] пресса и, в частности l'Humanité[32], совершенно молчат о росс[ийских] делах и о том, что там творится, можно лишь догадываться.

Я, как видите, еще не ангажировался. Была у меня, да и теперь еще есть смутная надежда на возможные перемены в России и на возможность туда вернуться. Вот я и решил подождать Думы. Ангажемент разорвать трудно, почти невозможно, и было бы очень досадно оставаться здесь, имея возможность поехать в Россию. Конечно, такое неопределенное положение длиться долго не может, но я счел необходимым дождаться результатов думской сессии.

Бурцева вернули, в Сов[ете] Министров был поднят вопрос о возвращении пяти рабочих депутатов[33]. Со всем этим нельзя не считаться.

Положение мое, как видите, чрезвычайно неопределенное во всех отношениях.

Сборник расходится хорошо.

Если Дейч в Америке продаст все, что я ему послал, у нас будет фонд для другого издания в таком же роде. Считали бы Вы возможным выступить еще раз коллективно, приспособив статьи на темы[c] недоста-

---

[a] Разумеется, в пределах разумного (фр.).

[b] Приписка Р. М. Плехановой на отдельном листке.

[c] Далее две строки зачеркнуты и не поддаются прочтению.

точно выясненные в нашем сборнике? Я думаю, что теперь, под влиянием событий, нам удастся воздействовать на публику.

Получили ли посланное мною Вам письмо т. Дейча? О получении этого письма с рукописью, пожалуйста, известите.

Преданный Вам *Марк*

P. S. Слова, подчеркнутые в рукописи, в тексте статьи[a] напечатаны курсивом. Рукопись проверена и за ее точность не беспокойтесь.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 38. Л. 1–2.

№ 18

А. И. Любимов — Г. В. Плеханову

22 декабря 1915 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Вчера я получил письмо от Розалии Марковны и мне очень досадно, что мое долгое молчание было, по-видимому, истолковано Вами как «отдаление». Я отнюдь не думал также считаться с Вами письмами. Я был уверен, что секретари редакции осведомляют Вас о том, что у нас здесь делается, но оказывается, что они в этом отношении обязанности свои исполняют очень плохо, а что касается дел социал-демократических, то таковых фактически нет и не было. По этому поводу давно хотел Вам написать, но все ожидал — не выяснятся ли обстоятельства: этого, однако, вряд ли дождешься.

Среди загранич[ных] соц[иал]-дем[ократов] мы — сторонники обороны — оказались в ничтожном меньшинстве, и наше германофильствующее большинство, при традиционных партийных замашках, расправляется с нами круто, т. е., попросту говоря, не считает нас соц[иал]-демократами и в некоторых местах, как, напр[имер], в Цюрихе, уже кое-откуда «попросили удалиться». Благодаря такому положению, когда наши с.-д. с нами не хотят работать, а своих сил мало, вся работа идет около «Призыва» с соц[иалистами]-революц[ионерами]. Поскольку все это происходит в заграничных областях, огорчаться этим не приходится. Но вот о России нам очень бы следовало подумать. Теперь нет сомнения, что манифест[34] наш произвел в России колоссальное впечатление. Можно смело сказать, что еще не было в истории нашей партии примера, когда бы социалистическая мысль так сильно повлияла на события, как это сделано было нашим манифестом. Пораженчество, которое начало было подымать голову, получило сильный удар, выборы в Москве от рабочих в военно-промышл[енный] комитет[35], несомненно, произошли под нашим влиянием, равно мы же дали толчок российским с.-д., стоящим на точке зрения обороны, и кот[орые] устроили две конференции и издают теперь три раб[очих] газеты. Но нельзя скрывать того обстоятельства, что многие из наших единомышленников в России поняли манифест наш неверно и неправильно истолковали многие из его положений. Тут, несомненно, играет большую роль фракционное кумовство и предрассудки, связи с заграницей, кот[орая], конечно, снабжает Россию всякими сплетнями и пр., и т. п. Как бы то ни было, но одного манифеста недостаточно, надо систематически проводить изложенные им взгляды в России, а для этого необходимо так или иначе объясниться с нашими росс[ийскими] единомышленниками. Пока нет у нас с ними возможности непосредственных сношений (они, по-видимому, их избегают, из фракц[ионных] предрассудков), объяснение это могло бы

[a] Пометка Г. В. Плеханова (?) красным карандашом.

быть только литературное и здесь мне остается выразить глубочайшее сожаление, что Вы совершенно не пишете в «Призыв». Все, что Вы пишете, немедленно перепечатывается в российской прессе и всякая Ваша ст[атья] в «Призыве» будет известна российской публике. Мне кажется, что была бы чрезвычайно необходима та статья, кот[орую] Вы намечали еще в Женеве — о критике Раковского[36]. Его самого можно оставить в покое, но чрезвычайно важно выяснить вопросы о формах классовой борьбы в переживаемое нами время, дабы разрушить легенду о Burgfrieden[a] , кот[орый] мы, якобы, проповедуем в России. Я понимаю, что Вы заняты работой и работой чрезвычайно важной, но и положение, кот[орое] мы сейчас переживаем, — исключительное, и страшно подумать, что партия наша выродится или в толстовско-пацифистскую, или в сектантско-бунтарскую. Без Вашего сотрудничества «Призыв» делает лишь половину своего дела.

На днях я прочел в русских газетах известие о том, что выходит в Петрограде марксистский сборник «Самозащита»[37]. «Современное слово» пишет, что «все статьи, исходя из интересов демократии и рабочего класса, доказывают необходимость для русских рабочих стать на точку зрения защиты страны». В сборнике этом принимают участие: Ан, Бибик, Горский, Дмитриев, В. И. Засулич, Левицкий, Маевский, П. Маслов, А. Потресов, Ортодокс, Череванин и др.

Я думаю, что Ида Исааковна могла бы узнать от сестры, что это за сборник. Присутствие там Ортодокса показывает, что он не исключительно «ликвидаторский». Как бы то ни было, но характерно, что вся эта публика нас избегает. А без своего российского штаба трудно влиять и на росс[ийских] рабочих. Я думаю, что если бы Вы обратились к Иде Исааковне, то она постаралась бы узнать через сестру, что делается в России.

Получаете ли Вы росс[ийскую] рабочую прессу? Видали ли Вы «Рабочее утро»? В № 5 некто Талин критикует Вашу ст[атью], помещенную в № 3 «Призыва»[38]. Редакция к его ст[атье] сделала примечание, что считает поднятый Вами вопрос дискуссионным, а некоторые положения ст[атьи] Талина — «спорными». Я Вам вышлю дня через два этот номер, на случай, если Вы не получаете «Раб[очего] утра».

В России нашим выступлением мы укрепили нашу позицию, а вот здесь, во Франции, усталость чувствуется отчаянная, и на почве ее пацифизм развивается очень успешно. Правда, циммервальдцы[39] успеха не имеют, но двусмысленная позиция Лонге находит адептов. Во Франции все всегда происходит резким образом и может, пожалуй, случиться, что франц[узская] партия расколется, а Ледебуры так и проведут всю войну в объятиях Зюдекумов.

Сегодня хоронили Вальяна[40]. Смерть его в этот момент может иметь большие последствия для жизни франц[узской] партии, ибо теперь не осталось человека с авторитетом и уважением. Гед[41]?... но его не видать.

Раза два за это время был у Вашей дочери, Madame Batault[42] — по делам «Призыва». Денежные дела у нас плохи, просил ее о поддержке, но она очень много работает для волонтеров. Если бы Розалия Марковна, со своей стороны, попросила ее помочь и «Призыву» — м[ожет] б[ыть], это имело бы больший успех, чем мои визиты. У madame Batault много связей и знакомств, кот[орые] могли бы быть нам полезны.

Георгий Валентинович, Вам всегда шлет приветы тов. Гростен. Он жил одно время в С[ан]-Ремо, и Вы его должны хорошо знать. Он волонтером во франц[узской] армии. Сейчас он сильно болен (я боюсь,

---

[a] Гражданский мир (нем.).

что туберкулезом) и находится уже давно в больнице. Он Вам писал, но, м[ожет] б[ыть], письмо его до Вас не дошло.

Пишет ли Вам Ольгин? Мы от него не имеем никаких известий, и в «Призыв» он не прислал ни одной статьи. Странно!

Кончаю. Извините, если неразборчиво написал. Очень устал сегодня. Вам и Розалии Марковне шлю лучший привет.

Жму Вашу руку

Марк

P. S. Вышел сборн[ик] «Интернационал и война»[43] при участии: Мартынова, Ионова, Мартова и др. Имеете ли Вы его? Если нет, то могу Вам его выслать.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 39. Л. 1–4.

№ 19

А. И. Любимов — Г. В. Плеханову

28 декабря 1915 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Посылаю Вам «платформу» Организ[ационного] комитета[44]. Было бы важно, если б Вы смогли дать должную оценку этому произведению, которое, кстати, метит главным образом в Вас. Аксельроду и К° в России пока не везет, и все их сторонники признают лозунг обороны. Платформа имеет целью «вправить мозги» российской публике, и вот почему ее не следовало бы оставлять без ответа. По сведениям из России *нас* там не понимают, и даже люди, стоящие с нами на одной позиции, считают нас сторонниками Burgfrieden'a[a].

«Призыв» туда не доходит, и о нашей позиции там знают только по легальной прессе. Недавно получилось письмо от Розалии Марковны, где сообщалось, что Вы не получаете «Призыва». Его, очевидно, задерживают в цензуре (итальянской), ибо все №№ Вам аккуратно высылались по выходе. Вам выслали теперь заказным весь комплект «Призыва». Было бы чрезвычайно важно знать Ваше мнение о ведении газеты и ее содержании. До сих пор мы на этот счет не получали от Вас никаких указаний. О получении «платформы», пожалуйста, известите.

Обещанного № «Раб[очего] утра» Вам еще не выслал. Вышлю на днях. Сейчас Кубов[45] пользуется им для статьи.

Жму Вашу руку. Преданный Вам *Марк*

Только что получил письмо от Дейча. Его журналу грозят в Америке бойкотом. Он очень просит Вас о литературной поддержке. Получаете ли Вы №№ его журнала? Уже вышло три номера. Доходят ли до Вас письма т. Дейча?

P. S. Посылаю Вам письмо Дейча для осведомления[b].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 531. В. 265. 40. Л. 1.

№ 20

А. И. Любимов — Г. В. Плеханову

12 января 1916 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

---

[a] Гражданский мир (нем.).

[b] Приписано на первой странице сверху.

Извините, что с большим опозданием посылаю Вам эту статью из № 5 «Рабочего утра», о которой писал Вам в одном из предыдущих писем. Не посылаю всего номера, ибо боюсь, что цензура не пропустит.

Вопрос об отношении к либеральной оппозиции поднялся и у нас, в редакции, поднимается часто и в сочувствующих нам кругах. В последних — главным образом, от ленинцев, ставших на точку зрения обороны и теперь вспомнивших «азы» и испугавшихся, не изменили ли они этим большевизму.

В редакции на двух последних заседаниях были прения по поводу моей статьи о Маклакове[46]. В ней я провожу две мысли: одну — что Маклаков в своих выступлениях не выражает взглядов нашей росс[ийской] буржуазии, которая, судя, между прочим, по выступлениям прогрессистов, — настроена левее его; другую — что буржуазия наша до московск[их] съездов шла вперед в деле организации и оппозиции, но, после — начала пятиться назад. Из этого я делаю в статье вывод, что мы обязаны поддерживать все прогрессивные стремления буржуазии, но должны выступать против взглядов «Маклаковых», отрицающих или затушевывающих борьбу на два фронта.

Статья подала повод к возражениям; одни указывали, что не время сейчас выступать в такой форме против буржуазии, другие, напротив, сомневались, чтоб наша буржуазия была способна к решительной прогрессивной политике. Как всегда, так и на этот раз, мы, конечно, достигнем соглашения — в этом отношении работаем мы дружно, я хотел лишь указать Вам на интересующий публику вопрос. Многих смущает вопрос о классовой борьбе во время войны; в свое время, Вы собирались ответить Раковскому по этому вопросу. Тема эта и теперь не утратила своего значения. Мы с нетерпением ждем от Вас статей и писем... и ничего не получаем. Широкие слои читателей это начинает удивлять, они истолковывают Ваше молчание в смысле разногласий с «Призывом», да и мы сами, не получая от Вас писем, не знаем, что и подумать.

В России в избирательной кампании в Военно-технические комитеты мы одержали полнейшую победу, и бойкотисты разбиты на всех пунктах. Но здесь, за границей, это подаст только повод к бессильной против нас злобе господам из «Н[ашего] сл[ова]», «С[оциал]-д[емократа]» и пр. т. п. органов, чувствующих себя здесь, за границей, господами положения.

Сторонников и у нас имеется много, но такова уж сила фракционных предрассудков: боятся идти, кто — с Вами, кто — с Алексинским, кто — с с.-д., кто — с с.-р.! Ничего не поделаешь, уж привыкли мысль водить на фракционной веревочке! Дейч пишет, что получил письмо от Розалии Марковны. Ваша статья к нему не дошла. Это прямо несчастье!

Подробности о делах швейцарских и здешних Вам расскажет тов. Бунаков[47]. Он сейчас здесь, через два дня едет в Ниццу и оттуда думает заехать к Вам.

Вышел ли второй том Вашей «Истории обществ[енной] мысли»? Ожидаю его появления с большим нетерпением. От первого тома получил очень много.

Шлю лучший привет Вам и Розалии Марковне и поздравляю Вас с Новым годом.

Преданный Вам *Марк*

P. S. Шлет Вам поклон тов. Гростен: он сейчас здесь в Париже — его представили на реформу.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 532. В. 266. 41. Л. 1–2.

№ 21

А. И. Любимов — Г. В. Плеханову

3 февраля 1916 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Открытку Розалии Марковны от 24 янв[аря] я получил. «Бирж[евые] вед[омости]» искал, но №№ со статьями Тана так и не нашел. Газеты здесь в библиотеках или совсем не получаются, или получаются случайно и неаккуратно. Мне удалось, однако, найти № 5 «Бюллетеня литературы и жизни», в котором обе статьи[48] Тана перепечатаны, но не полностью. Я все-таки, если владелец книги разрешит, перешлю ее Вам, если нет — перепишу статьи в том виде, как они помещены в Бюллетене, и Вам их вышлю.

Сегодня отправил Вам ст[атью] Ольгина об итальянских делах[49], присланную им для «Призыва». Редакция поручила мне изложить ее отношение к этой статье и узнать Ваше об ней мнение. Статья в этом виде для нас *всех* неприемлема. Неприятно на нас подействовал характер полемики с идеализмом и защиты научного социализма. Ольгин совсем не считается с тем, что на идеалистической точке зрения стоит у нас часть редакции, и, вместо того, чтобы защищать и поднимать вопросы, нас объединяющие, выдвигает в своей статье то, что нас разъединяет, и, притом, в неудачной форме. Кроме того, мы нашли слишком резкими и малоубедительными его нападки на Муссолини, в органе которого не так давно было опубликовано интервью с Вами[50], и, наконец, нам не ясна его критика интервентизма, и мы совершенно не знакомы с тем новым течением в итальянской партии, о котором он пишет.

Мы не желали бы, однако, потерять в лице Ольгина сотрудника, а возможно, что отказ в помещении статьи мог бы его обидеть. Редакция решила, поэтому, переслать статью Вам, узнать, как Ваше мнение о ней, так и Ваше мнение о затронутых в ней итальянских делах, и просить Вас, чтоб Вы списались с Ольгиным и чтоб корреспонденции из Италии он пересылал нам через Вас, чтобы мы могли знать Ваше о них мнение. Это для нас важно хотя бы на первое время, ибо в итальянских делах, повторяю, мы не осведомлены, а Ольгин сразу поставил острые и важные вопросы.

Нами получены две Ваши статьи: об интернационалистах и об обороне. Последнюю помещаем передовицей в № 19, а первую напечатаем в № 20[51]. Ст[атья] об интернационалистах наделает много шуму. Лично я ею чрезвычайно доволен. В свое время и я и Алексинский высказывались против тех «авансов», которые расточал Бунаков по адресу «интернационалистов»[52] в своих статьях. Мы предлагали эти места выбросить, но ни Бунаков, ни члены ред[акции] с-ры, на это не соглашались. В качестве аргумента Бунаков приводил довод, что статьи его являются конспектом его швейцарского реферата, кот[орый] очень понравился всем нашим тамошним сторонникам. Довод неубедительный, скорее *против* наших швейцарских друзей, чем *за* статьи Бунакова. Как бы то ни было, но нам не удалось провести в ст[атье] необходимые изменения. Перейти из обороны в нападение на гг. «интернационалистов» было чрезвычайно необходимо, и я думаю, что эта Ваша ст[атья] не останется без влияния и на характер самого «Призыва», часть редакции которого старалась сохранить остатки товарищеских отношений с теми, кто нас третирует как изменников. И Вы трижды правы, когда указываете, что подобное отношение к «интернационалистам» может только ослабить нашу позицию и ее

влияние на российскую демократию. Насколько могу судить, и на Авксентьева[53] Ваша статья произвела впечатление.

Шлю привет Вам и Розалии Марковне. Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам *Марк*

Очень приятно было узнать от т. Бунакова, что Вы довольны «Призывом». Несмотря на существующие среди нас, здесь, различия в «оттенках» взглядов, мы работаем все же дружно и немалое уныние вносим в ряды противников, которые очень надеялись, что «Призыв» не просуществует и двух недель, а мы живем вот уже пять месяцев, да еще с каким успехом!

Сейчас устраиваем концерт для «Призыва», в организации которого очень деятельное участие принимает Ваша дочь — madame Bataulт-Plekhanoff.

Искренно желаю Вам возможно скорее поправиться; Ваше нездоровье нас очень обеспокоило.

Лучший привет Вам и Розалии Марковне.

Преданный Вам *Марк*

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 532. В. 266. 42. Л. 1-3.

№ 22

А. И. Любимов — Г. В. Плеханову

22 февраля 1916 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Ваше последнее письмо, где Вы пишете о Межд[ународном] соц[иалистическом] бюро и о необходимости договориться с франц[узскими] социалистами — мы получили. Завтра будем обсуждать все эти вопросы. Наше мнение сообщим Вам немедленно; впрочем, Вы его услышите непосредственно от Н. И Иорданского[54], о приезде которого Вы, наверно, уже знаете, и который в ближайшем будущем едет к Вам. Уверен, что в вопросе о Межд[ународном] бюро мы не разойдемся с Вами. Насколько могу судить по разговорам, все т[оварищи] находят созыв его несвоевременным и вредным, но, если оно все же будет созвано, то, конечно, необходимо нам координировать наши действия с французами. К сожалению, франц[узские] социалисты, как я уже писал Вам, *нас* игнорируют, как это ни странно. Вы, наверно, заметили полное отсутствие в «l'Humanité» сведений из России. Когда это важно для них, они пользуются Вашим именем, но нас, как течение, до сих пор знать не хотят. Сегодня появилась в «l'Humanité» ст[атья] Severac'a об участии рабочих в военно-промышл[енных] комитетах, написанная[a] со статьей «Призыва». Эта ст[атья], прежде чем увидеть свет, пролежала в ред[акции] около месяца! Мы решили по этому поводу с французами объясниться и добиться свидания с Гедом и Самба[55], чтобы выяснить наши отношения, а главное, чтобы показать им тот громадный промах, который они делают, не считаясь с нами, ибо фактически мы являемся представителями господствующего течения в российском пролетариате. Приезд Иорданского, надеюсь, поможет нам в этом. С ним-то им уже придется считаться!

Ваша последняя ст[атья] об «Интернационалистах, да только с другой стороны» — производит большое впечатление на публику. Ваше указание, что в настоящее время *и* немецк[ий] рабочий, поскольку он ведет империалист[ическую] политику, является врагом росс[ийского]

---

[a] Так в тексте.

пролетариата, — бьет в нос нашим «интернационалистам» — они этого никак понять не могут. С их точки зрения, нельзя было в свое время усмирить Вандеи[56], а Маркс изменил классовой борьбе, когда видел революц[ионные] перспективы в войне Германии с Россией.

Возможно ли сохранить единство II Интернационала при таких разногласиях? Я начинаю в этом сильно сомневаться.

Получаете ли Вы известия от Дейча? Его там прямо рвут на части, и он уже начинает предвидеть скорую возможность прекращения своего журнала.

Я думаю, что в этом отчасти виноват и он сам. По-видимому, он не очень умеет вести такое предприятие, во всяком случае, ведет его чрезвычайно неровно. То заигрывает с Волонтером и К°, то бросается на них; и вносит в свой журнал много личного элемента. В № 5 он напечатал мою статью («Интернационализм Маркса»), но так ее переделал (без моего ведома), что я ее прямо не узнал, и переделал без всяких поводов и оснований (назвал, напр[имер], Энгельса «помощником» Маркса, чего мне и в голову не приходило, Лассаля назвал «гениальным» социалистом, каковым я его никогда не считал, несмотря на все восхищение его деятельностью и т. д.). Меня это, конечно, не отпугнет, ну а других такое самоуправство может отдалить от журнала.

В Америке, впрочем, журнал его делает свое дело и объединяет «патриотов»; но здесь его немилосердно бойкотируют и с трудом удается распродавать несколько экземпляров[a].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 532. В. 266. 43. Л. 1–2.

№ 23

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову[b]

На бланке: *Docteur Plekhanoff «Le Repos»*
San Remo

1 марта 1916 г.

Дорогой тов. Любимов,

прежде всего прошу Вас довести до сведения редакции «Призыва», что на днях (т. е. завтра или послезавтра) я сажусь за ответ Рожкову[57]. Теперь я доканчиваю давно обещанную Дейчу статью для «Свободного слова»[58]. Ответ Рожкову много времени у меня не возьмет. Как видите, я опять принялся за работу: нездоровье мое почти все прошло.

Сейчас получил № 22 «Призыва». Откровенно скажу Вам: он меня огорчил. В «Призыве» пишут теперь, по-моему, наиболее мыслящие элементы нашей партии (по крайней мере, за границей). Но и с ними мне столковаться трудно. В № 22 целых две статьи направлены против меня[59]. Не подумайте, что это меня раздражает. Нет; но я с грустью предвижу, что недалеко то время, когда даже наиболее мыслящие товарищи заподозрят меня в отсталости. Я думаю, что сотрудники «Призыва» склонны разделять ошибку, свойственную всей нашей интеллигенции и состоящую в преувеличении скорости нашего прогрессивного развития. Кто не делает этой ошибки, тот считается отсталым. При такой mentalité[c] неизбежны страшные тактические и

[a] На этом письмо обрывается.

[b] При письме сохранился конверт с припиской рукой Р. М. Плехановой: «К работе по ист[ории] Общ[ественной] м[ысли]» и рукой Г. В. Плеханова: «42, Rue Boulan[?]».

[c] Умонастроение (фр.).

стратегические ошибки. Не истолкуйте моих слов в смысле недовольства редакцией «Призыва»: редакция тут ни в чем неповинна. Да и я был и останусь верноподданный «Призыва». Этому поверьте.

Завтра я высылаю т. Алексинскому для прочтения второй том моей «Истории». Он ему нужен для спешной работы. Поэтому я посылаю ему прежде, нежели Вам. Передайте т. Алексинскому, что я прошу его, по прочтении этого тома, передать его Вам, а Вас прошу вернуть его мне по миновании в нем надобности. Теперь у меня большая просьба к Вам; помогите мне докончить *третий том*. Мне необходимо списать статьи из 4-х книжек «Рус[ской] старины». *Наиболее спешна* статья Белозерской: «Влияние» и проч., Рус[ская] стар[ина] 1895, январь. Списывая *эту* статью, не только можно, но и должно, пропускать несущественные места и даже страницы. Мне нужны наиболее характерные факты влияния на Россию XVIII века зап[адной] цивилизации. Что касается остальных трех статей, то в статье Бильбасова тоже можно делать сокращения, а остальные две (статья и бумаги Щербатова) должны быть списаны целиком. *Я готов заплатить за труд переписки*, да и не только «готов», а прошу принять плату. Повторяю, всего спешнее для меня статья Белозерской. Вы уже знаете, что, *списывая, необходимо обозначать страницы подлинника*.

Вот список статей:

1. Русская старина, 1891, № 11-й ст[атья] Бильбасова: «*Ник. Панин* и Мерсье-де-ля-Ривьер».

2. Рус[ская] старина, 1870 (№ указать не могу) — *Бумаги Щербатова* (все, что написано Щербатовым, должно быть списано полностью).

3. Рус[ская] старина, 1872, том V, «Письмо к вельможам правителям государства» Щербатова (нужна полностью).

4. Рус[ская] старина, 1895, январь, статья Белозерской: «Влияние переводного романа и западной цивилизации на русское общество XVIII века». — Тут возможны сокращения; но с ее перепиской надо спешить.

Еще просьба: напомните Н. И. Иорданскому, что я очень прошу его выписать мне из Петрограда Сочинения кн[язя] М. М. Щербатова, томы: 1-й, Петроград 1896; том 2-й, Петроград 1898 — изданы под редакцией Хрущова. Мне они необходимы. Если нет их в книжных магазинах, то *можно найти у букинистов*. Помогите мне, дорогой товарищ.

Крепко жму Вашу руку. Поклон товарищам[a].

Ваш Г. Плеханов

NB P. S. В Bibliothèque Nationale «Русскую старину» надо обозначить *(на бюллетене)* такими знаками: *8. M 10243*[b].

Г. П.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 37. Л. 1–3.

№ 24

А. И. Любимов — Г. В. Плеханову

11 марта 1916 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Ваше письмо от 1-го марта я получил. Извиняюсь, что не ответил Вам тотчас же на Вашу просьбу относительно статей из «Русской старины». Т[ак] к[ак] я несколько раз выражал Вам готовность помочь

[a] Строчка и подпись приписаны по левому краю листа.

[b] Приписано на первой странице в левом верхнем углу.

Вам, то надеюсь, что мое молчание не было истолковано Вами неправильно. В архиве здешней Тургеневской библиотеки мне удалось найти «Русск[ую] ст[арину]» за 1870 г. с «бумагами» Щербатова, за 1872 г. — с его «письмом к вельможам» и за 1895 г. — со ст[атьей] Белозерской. Чтобы не задерживать Вас с перепиской, я выписал из библиотеки все эти три книги и через Madame Batault передал их Лидии Георгиевне, которая на этих днях едет в Сан-Ремо и, т[аким] обр[азом], может Вам привезти эти книги. Вы их получите, очевидно, скорее, чем это письмо.

Книги даны мне на месяц, но, если через месяц Вы не сможете их выслать, то я перепишу их на следующий.

«Русской стар[ины]» за 1891 г. со ст[атьей] Бильбасова в библиотеке не оказалось. Я перешлю ее Вам в переписанном виде. Придется воспользоваться Национальной библиотекой.

Достать «L'Internationale» Guillaum'a будет, пожалуй, труднее.

О получении трех книжек «Русск[ой] ст[арины]» Вы меня, пожалуйста, известите. Кстати сообщите — получили ли Вы «Бюллетень литературы» со статьями Тана, который я Вам послал уже с месяц тому назад. Боюсь, как бы он не затерялся — почта функционирует теперь из рук вон плохо.

Письмо это оканчиваю 13. III. Странное происшествие случилось с «Русск[ой] ст[ариной]». Вчера у нас был концерт, и Madame Batault по ошибке книги эти отдала в лотерею. Лица, выигравшие эти книги, не взяли их и бросили в зале, где сегодня утром я их совершенно случайно нашел. Завтра завезу их снова к Вашей дочери, а если Лидия Георгиевна уже уехала — пошлю их Вам по почте.

Георгий Валентинович, я не думаю, чтобы разногласия по вопросу о голосовании кредитов были началом или, вернее, симптомом возможного расхождения с Вами Ваших теперешних единомышленников, не думаю именно потому, что то или другое отношение к этому вопросу фактически отнюдь не связано с тем или другим взглядом на скорость нашего прогрессивного развития. В этом последнем вопросе тов. Андронников (Кахели) вполне согласен с Вами, что не мешает ему быть сторонником воздержания. Алексинский, напр[имер], высказывается (хотя и с оговорками) *за* голосование, что не мешает ему, однако, *верить* в возможность всяких внезапных переворотов. Я думаю, что в вопросе о голосовании кредитов большую роль играет вопрос о традициях. Эта сторона вопроса для меня, лично, играет большую роль и, хотя в вопросе о нашем прогрессивном развитии я теперь *всецело* согласен с Вами (особенно после чтения первого тома Вашей «Истории общ[ественной] мысли»...), являюсь, однако, сторонником воздержания. Я согласен с Вами, что в нашей деятельности мы должны руководиться успехом революционного дела. Но ведь масса, среди которой мы ведем работу, мыслит догматически (если можно так выразиться), да и работу нашу в ней мы ведем тоже «догматически». В течение многих лет мы внушали этой массе, что нельзя голосовать за кредиты, и эту нашу проповедь она восприняла догматически, а раз так — успех нашего революционного дела не будет обеспечен, если мы разом порвем с этой догматикой и отпугнем от себя массы. Решающую роль для меня в этом вопросе играют специфические российские условия — отсутствие свободы слова и печати, которое лишает нас одного из орудий борьбы с догматикой и заставляет считаться с нею. Для Франции, напр[имер], эти рассуждения неприменимы, ибо здесь есть полная возможность объяснить массе новую позицию и «отказ» от «традиций».

Для меня, т[аким] обр[азом], вопрос стоит о способе воздействия на массу — и только. Мне кажется, что и для т. Андронникова вопрос стоит так же.

Спешу кончать письмо, чтобы бросить его на почте. В след[ующий] раз сообщу Вам о неудачной попытке наших лозаннских «партийцев» войти в компромисс с т. Трояновским для организации с ним новой с.-д. группы. Попытка эта, к счастью, окончилась неудачей. Возможно, впрочем, что Андронников уже писал Вам об этом.

Крепко жму Вашу руку.

Шлю привет Вам и Розалии Марковне.

Преданный Вам *Марк*

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 532. В. 266. 44. Л. 1–3.

№ 25

А. И. Любимов — Г. В. Плеханову

5 мая 1916 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Тов. Бунаков сообщил Авксентьеву, что он переслал Вам его[a] статью[60], не принятую редакцией, причем передал Вам (через вторые руки) и отзывы об этой статье — мои и тов. Алексинского. Вы тоже писали Алексинскому, что отклонение статьи Бунакова находите неправильным и, как будто, ставите этот вопрос в связь с нашими старыми партийными разногласиями. Во избежание недоразумений, хочу сообщить Вам *непосредственно* мое мнение о статье Бунакова. Я высказался против нее не потому, что он критикует деятельность наших партий в период 1905–1906 гг. Правда, м[ожет] б[ыть], Вы правы, когда в одном из писем пишете, что лучше этих вопросов в «Призыве» не касаться. Но меня лично эта критика нисколько не смущает, тем более, что самому мне пришлось пересмотреть многие из моих взглядов того времени. Вопрос не в том — касаться этих вопросов или нет, а в том как касаться. Ваша статья «Две линии революции» была очень беспощадной и ясной критикой ошибок 1905 г., и ни я, ни Алексинский ни слова не сказали против нее. Ну, а Бунаков начинает критиковать так, что волосы дыбом становятся. Я прочел его статью два раза и тогда же в редакции заявил, почему она кажется мне неприемлемой. Он критикует в ней не ошибки партий, не их тактику и взгляды, а самую основу всего движения. В одном месте своей статьи он прямо говорит, что несчастье нашей революции заключалось в крайнем обострении классовой борьбы. И этому несчастью противопоставляет счастье настоящего времени, когда классы сотрудничают. Когда Вы, Георгий Валентинович, критиковали нас, большевиков, Вы никогда не говорили о несчастье классовой борьбы, а говорили о несчастье большевиков, которые из ее наличности делали неправильные тактические выводы. Я говорю о Вас потому, что Бунаков в своей статье ссылается на Вас для подтверждения своих взглядов. Членам ред[акции] соц[иалистам]- революционерам (Авксентьеву и Кубову) я задавал вопрос, разве они считают несчастьем ту борьбу, которую вело тогда крестьянство за землю. Беда была в неправильной тактике, а ошибочность этой тактики Вы описали, Г[еоргий] В[алентинович], очень хорошо объясняли (между прочим) тем, что революционеры преувеличивали ход революционного развития, т. е., в конечном счете, преувеличивали обострение классовой борьбы. Неудача революции произошла не от обострения классовой борьбы, как думает Бунаков, а от недостаточного ее развития. Тот факт, что Бунаков просмотрел это, дает всей его статье какой-то страх перед революцией,

[a] Так в тексте.

придает ей, по выражению Алексинского, веховский характер. Я не иду так далеко, как Ал[ексинск]ий, кот[орый] написал Бунакову письмо, где пишет, что не стал бы вступать с ним в соглашение, если б знал эти его взгляды. Я думаю, что Бунаков взялся за аргументацию своих взглядов непривычными ему «понятиями» (классовой борьбы) и, просто говоря, «сел в калошу» (извините за выражение). Но я все же думаю, что, с нашей стороны, была бы большая ошибка поместить в «Призыве» *его* критику 1905 года. Не меньшая ошибка в его статье заключается и в оценке современного движения. В противоположность движению 1905 года, он считает его общенациональным. Вообще говоря, это верно, но неверно, когда в этом общенацион[альном] движении он хочет потопить всякий след движения классового. Здесь он ошибся, но в сторону, противоположную своей оценки 1905 г. Сознательное классовое движение пролетариата заставляет его встать на защиту отечества и сделаться одним из агентов (вернее — руководителем) национального движения, и, наоборот, несознательность его движения делает из него орудие циммервальдцев. Здесь могут возникнуть очень интересные темы для прений и обмена мнений на стр[аницах] «Призыва», но беда статьи Бунакова в том, что центр ее тяжести в оценке 1905 г., и, если выбросить (как Вы предлагаете) из нее это место, от нее очень немного останется, ибо она построена на противопоставлении этих двух движений.

Как видите, Георгий Валентинович, отклоняя статью Бунакова, я не думал и не предвидел разногласий с Вами, и мне было бы очень интересно узнать от Вас, как Вы относитесь к этим моим объяснениям. Относительно Алексинского могу заметить, что, хотя он и не считает нужным хоть что-либо пересмотреть из своих взглядов 1905–1907 гг., но на современные события он смотрит с точки зрения «Двух линий революции» и разделяет Ваши взгляды.

Недели четыре назад я отправил Вам кн[игу] Семенникова. Будьте так любезны — сообщите, получили ли Вы ее: книга эта — библиотечная. Сообщите также, когда сможете возвратить три книги «Русск[ой] старины», — это надо тоже для библиотеки, когда придется переписывать их на третий месяц.

Шлю искренний привет Вам и Розалии Марковне и жму Вашу руку.

Преданный Вам *Марк*

P. S. Сегодня получил письмо от т. Дейча. Он получил Вашу статью: она будет напечатана в майской книжке «Своб[одного] слова».

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 532. В. 266. 47. Л. 1–4.

№ 26

А. И. Любимов — Г. В. Плеханову

1 июня 1916 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович,

извините, что с запозданием отвечаю на Ваше последнее письмо, полученное вместе с письмом для редакции. Был это время болен и только теперь оправился.

Сборник «Обществ[енное] движение в России в первую половину XIX века»[61] я нашел. Завтра получу его из библиотеки, так что через несколько дней Вы получите и статью о Фон-Визине — пришлю ее Вам в переписанном виде.

Ваш второй том, к сожалению, до сих пор я так еще и не прочел. Ал[ексинск]ий не выпускает его из рук. Он пишет сейчас на

фр[анцузском] яз[ыке] книгу по истории России, и Ваша книга ему нужна постоянно для работы. Очень это досадно, но я все же надеюсь от него ее получить в непродолжительном времени.

К Вашему письму относительно А. Тома мы все отнеслись с самым глубоким вниманием. Поступок Тома[62] нас всех чрезвычайно возмутил не только потому, что он игнорировал традиции, но и потому, что повредил нашей позиции и сыграл в руку пораженцам. Отмежеваться от его поступка мы сочли необходимым. Я, лично, стоял за резкое выступление, отчасти именно из-за того, чтобы показать, что поступок этот не вытекает из нашей позиции. Под влиянием первого впечатления мы не учли, однако, многих обстоятельств, и здесь Ваше письмо пришло как раз кстати. Однако, как видно из Вашего письма, Вам не известны некоторые обстоятельства, которые побудили нас обратиться с протестом к французам. Дело в том, что уже с давних пор и ни один раз мы добивались с их стороны нашего признания, но они все время упорно нас игнорируют. Когда это надо для них, они *пользуются* Вашим именем и именем «Призыва», но сношений с нами упорно избегали. Вы должны были уже по l'Humanité заметить, как мало пишут они о России, о течениях в росс[ийском] пролетариате вообще, об успехе нашего течения, в частности. Ст[атья] Северака[63] о нашем сборнике насилу увидела свет, его другая статья о военно-пром[ышленных] комитетах пролежала в редакции около месяца. Наконец, прямо неприличная была выходка l'Humanité, когда, поместив речи Бурьянова и Манькова, она на другой день сделала заметку (очевидно под влиянием Троцкого), что Маньков исключен из фракции[64], а Б[урьян]ов из нее вышел, без всяких пояснений, когда, почему и как все это произошло. Все это побудило нас, когда здесь был Иорданский, делегировать его и Ал[ексинск]ого в ред[акцию] l'Humanité, чтобы выяснить положение и попытаться с ними более тесно связаться, и вот, как бы в ответ на это, А. Тома отправился в Россию, не попытавшись столковаться с нами, не попытавшись выяснить предварительно, что делается в России. Если б мы об его поездке узнали раньше, мы сами бы сделали все необходимое, чтобы предупредить его не делать ошибки, но именно мы ничего не знали: когда вопрос касается российских дел, с нами не считаются и нас игнорируют. Что же нам оставалось делать, как не протестовать, когда дело уже было исполнено!

Как бы то ни было, но заявление, текст которого мы Вам посылали, мы не передавали во франц[узскую] партию. Мы решили предварительно повидаться с Дюбрейлем. На свидание с ним ходили Авксентьев и я. Он был очень удивлен, узнав от нас, какое впечатление произвело на всех свидание в Царск[ом] Селе. По его словам, они думали, что впечатление будет совсем другое, раз царь вынужден был принять социалиста. Мы поставили ему на вид необходимость взаимных сношений. Он показал вид, будто не знает, кто мы такие, что такое «Призыв» и пр., и т. п. Здесь настала наша очередь удивляться. Мы тогда рекомендовались в подробностях, указав при этом, что l'Humanité должно нас знать. Он ответил, что с организац[ионными] вопросами надо обращаться не в l'Humanité, а в партию, т. е. к нему, как к секретарю. В конце концов, он нашел необходимым взаимное сближение, мы, со своей стороны, предложили составить для партии меморандум о российск[их] делах и об нас самих, дабы они знали, с кем имеют дело. В заключение мы спросили его мнение о форме нашего протеста против Тома и договорились на том, что лучше не делать этого в писанном виде, а просто объясниться устно с администр[ативной] комиссией. Расстались очень хорошо и любезно. Я все-таки думаю, что они с нами дипломатничают, ибо не представляю, чтобы Дюбрейль

ничего не знал о нашем существовании. Повидаться с Админ[истративной] комис[сией] нам необходимо, это именно и будет первый шаг для сближения. Дюбрейль, между прочим, сказал, что он спросит Тома, не пожелает ли он с нами повидаться. Мы, конечно, от этого не отказались.

Как видите, Георгий Валентинович, мы поступили по Вашему совету и действительно сделали бы большого маху, если б подали заявление в партию, не поговоривши предварительно с ее руководителями.

Разногласие, *и*, между нами здесь, существует в другой плоскости. Я лично, как уже писал выше, стоял за резкую отмежевку от Тома и даже текст заявления не считал достаточно резким, но я (и некоторые другие) именно стояли только за отмежевку. Ал[ексинск]ий же склонен повести форменную кампанию против Тома, и уже повел таковую во франц[узской] партии, в качестве ее члена. Я очень боюсь, как бы эта кампания не была на руку оппозиции, и как бы она не повредила тому нашему сближению с франц[узской] партией, которое мы только что начали. Я надеюсь, однако, что «депутат» наш «остынет» и гнев заменит на милость. Цензура в последнее время нас сильно теснит и буквально ни о чем не дает говорить, вычеркивает даже полемику с Милюковым[65]. Мне бы очень хотелось знать Ваше отношение к его заявлениям, напечатанным в l'Humanité, по поводу которых я написал ст[атью] в № 35. В России — Тома в Царск[ом] Селе, а здесь — парламентская делегация с убогим политическим горизонтом. С двух сторон мы получили неприятные удары.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам *Марк*

P. S. Книг еще не получил. Мне будет очень жаль, если мои письма Вы истолковали в том смысле, что надо торопиться их выслать. Мне надо было только знать для библиотеки, на сколько времени их переписать еще.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 532. В. 266. 48. Л. 1–4.

№ 27

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову

На бланке: Docteur Plekhanoff «*Le Repos*»
San Remo[a]

30 июня 1916 г.

Дорогой и уважаемый т. Марк,

Вы, по-видимому, не получили моего последнего письма, писанного, по возвращении моем из Рима, в ответ на Ваше, заставшее меня здесь. На всякий случай пишу еще раз. Завтра я уезжаю отсюда. Но не в Швейцарию: слишком уж затруднен теперь переезд через границу, особенно с рукописями и книгами. Я проведу самое жаркое время *над Флоренцией*. Адрес напишу ниже. По этому адресу *пишите и посылайте мне «Призыв»*. Мне сообщают, что «Наше слово» напало на меня за мое будто участие в приеме русских депутатов в Риме. Но Вы понимаете, что *участником* приема я не мог быть ни в качестве *принимающего*, ни в качестве *принимаемого*. Я был только *зрителем* и решительно не понимаю, что здесь предосудительного[66]. Если редакция «Призыва» находит нужным, я отвечу на выходку «Нашего слова». Но прошу Вас

[a] При письме сохранился конверт с почтовыми отметками об отсутствии адресата. На обратной стороне конверта рукой неустановленного лица записан адрес: Mons[?] Villa Stephanie Chamonix [-Mont-Blanc?].

всех принять во внимание, что существуют упреки, возражать на которые обидно. И вообще, по-моему, спорить с «Нашим словом» это — тоже, [что] глотать клопов. Вам должно быть понятно, зачем я ездил: мне хотелось видеть хоть некоторых представителей прогрессивного блока[67]. Эта моя цель была достигнута. Я убедился, что возлагать какие-нибудь радикальные надежды на блок смешно. Но было бы хорошо, если бы он достиг двух результатов: отмен черты еврейской оседлости и уравнения крестьян в прав[ах] с другими сословиями, — точнее, отмены специально-крестьянского бесправия. Это было бы хорошо для всех передовых элементов населения. Все говорят, что антисемитизм растет. Для борьбы с ним важнее всего завоевать новые юридические позиции. А такой новой позицией и была бы отмена черты. Впрочем, я не уверен, что блок добьется этого: антисемитизм страшно усилился в армии, и блок побаивается настроения этой последней. Поэтому не мешает подстегивать его. Но желать его разрушения «без дальнейших» было бы ошибочно. От нашего такта зависит найти надлежащую меру.

Спасибо за присылку выписки из ст[атьи] Семевского. Никаких сборников наших несогласно-мыслящих у меня нет. А было бы желательно иметь «Самозащиту» Засулич и др. Привет Вам всем. Вот мой летний адрес: Signor Plekhanoff, villa Margherita, Saltino (Vallombrosa) presso Firenze, Italie.

Крепко жму руку. Ваш *Г. Плеханов*[a]

Пропажу письма я предполагаю потому, что от Вас нет ответа.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 39. Л. 1–2.

№ 28

А. И. Любимов — Г. В. Плеханову

6 июля 1916 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович,

вчера я получил Ваше письмо от 30 июня. Ваши предположения оказались правильными — предыдущего Вашего письма я не получил, чем и объясняется наше молчание. А мы все, в свою очередь, удивлялись Вашему. Что касается нападок на Вас «Нашего слова», то, поверьте, никто из нас не обращал на них серьезного внимания: нам и в голову не приходило предлагать Вам объясняться с этой газеткой. Больно становится за нашу заграничную литературу — это верно!

Милюков и К° удивили и здесь всех. Делегация произвела скверное впечатление на франц[узских] социалистов. В беседах со здешними парламентариями наши, российские, настаивали на необходимости перехода Константинополя к России, решительно высказывались против его нейтрализации, за раздел Персии и за Польшу *под* Россией. Все это в связи с их трусливой внутренней политикой произвело впечатление удручающее. Что касается внутренней политики, то я вполне согласен с Вами, что было бы хорошо, если б блок достиг «отмены специально-крестьянского бесправия». Плохо то, что он в достижении этой цели забывает «злобы дня» и хотя отдельные ораторы его, вроде Родичева, и связывают эту отмену с текущими событиями, но блок в целом, поставил дело так, словно бы крестьянским вопросом хотел отмахнуться от политических задач момента. Любопытно, что это заметили даже «Русск[ие] вед[омости]» и в одной из передовиц, обращая внимание Думы на поход властей против обществ[енных] учреждений, обслуживающих оборону, советуют ей не забывать текущей политической

[a] Приписано по левому краю листа.

действительности из-за важных государственных задач, которые она поставила перед собою (№ 129). Для нас же здесь, как и во всех вопросах, касающихся «поддержки» буржуазных партий, трудность заключается в том, чтобы поддерживая то, что того достойно, проводить борьбу с тем, что вредит движению: разграничить то и другое теоретически легко, но чрезвычайно трудно проводить это различение на практике, ибо у буржуазных партий прогрессивные и реакционные элементы слиты между собою. Я думаю, что в виду этой трудности и пользуется таким успехом ленинская политика обличения и разоблачения.

В редакции за последнее время дела идут не так гладко, как раньше. Разногласий существенных нет, но, мне кажется, что все устали, а потому и разнервничались. На этой почве иногда происходят не очень приятные сцены и разговоры.

У нас явилась мысль издать легальный сборник в России. Секретари редакции сообщат Вам наши проекты; пока же все это находится в стадии неопределенности и неоформленности.

Дневник[68] получил. Большое Вам за него спасибо равно, как и за любезную надпись.

На Ваше письмо, поскольку оно касается нас всех, Вам ответят секретари. Жму Вашу руку.

Преданный Вам *Марк*

P. S. В моем адресе Вы, по ошибке, пишете Paris XV вместо Paris XIV. Конечно, не этим объясняется пропажа письма, но они приходят с запозданием[a].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 532. В. 266. 49. Л. 1–3.

№ 29

А. И. Любимов — Г. В. Плеханову

19 августа 1916 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Сегодня в ред[акции] тов. Алексинский прочел Ваше письмо, в котором Вы пишете о необходимости реагировать на принятую Нац[иональным] сов[етом] Фр[анцузской] соц[иалистической] парт[ии] резолюцию о конференции социалистов союзных стран[69]. Тотчас же после Нац[ионального] сов[ета] я написал по этому поводу письмо тов. Андронникову как секретарю Ц[ентрального] бюро партийцев, выбранного на прошлогоднем совещании в Женеве. По этому же поводу собирался написать и Вам. Теперь Ваше письмо меня предупредило. Если резолюция Нац[ионального] сов[ета] будет принята Межд[ународным] бюро, то тогда, по ее смыслу, «Призыв» и его течения представительства на конференции не получат. Здесь нам надо будет добиваться совещательного голоса, да следить за тем, чтоб с решающим голосом не проскочили нашесловцы. Но мы сможем попасть на конференцию, пользуясь теми правами, которые имели до войны в Интернационале. Лучше всего в этом отношении обстоит дело в с.-р. части редакции. Представительство партии с[оциалистов] р[еволюционеров] делится пополам, и половина предоставляется «патриотической части». Кроме того, их официальн[ый] представитель в М[еждународном] с[оциалистическом] б[юро] — Рубанович[70] — ближе к нам, чем к интернационалистам, а, в случае его отказа, место его занимает т. Авксентьев, как кандидат.

---

[a] На последней странице письма — карандашная помета Г. В. Плеханова: «О тактике кадетов в Думе до революции».

Т. Алексинский думает попасть на конфер[енцию] как впередовец[71] (хотя таковых сейчас не существует, а в начале войны, как мне кажется, б[ольшинст]во их пошло за Луначарским). Но он, кроме того, имеет еще какие-то особые права как член 2-ой Гос[ударственной] думы. Вопрос, т[аким] обр[азом], стоит за нами — партийцами. По существу, мы, м[ожет] б[ыть], имеем на представительство прав больше, чем кто-либо, ибо наши организации сохранились за время войны. Но формально дело вот в чем: до войны были беки *и* меки-партийцы, а теперь такового деления не существует, и наши противники не преминут оспорить нашу преемственность. Я думаю, что мы ее сможем доказать, и по этому поводу и писал Андронникову. Я советовал ему также дать знать о существовании Центр[ального] бюро парт[ийцев], для чего созвать совещание наших парт[ийных] групп (швейцарских), и об этом опубликовать в «Призыве». Нельзя также забывать и партийцев российских. Иорданский мне говорил, что б[ольшинст]во группы, издававшей «Единство», стоит на нашей точке зрения, и что «болгарин»[72] говорил по этому поводу неправду. А Вы как раз были в Брюсселе (накануне войны) делегатом от этой группы (это, между прочим, и доказательство нашей преемственности). Я думаю, что нашему Бюро парт[ийцев] следовало бы обратиться в М[еждународное] с[оциалистическое] б[юро] немедля и немедленно же написать Бурьян[ову] в Россию. Относительно нашего делегата разногласий у нас не будет — мы все, конечно, уверены, что Вы поедете на конференцию. Я бы считал очень важным, если б на нее мог приехать и Бурьянов. Это имело бы громадное значение во всех смыслах. Но прежде, чем писать ему или кому бы то ни было об этом, я хотел посоветоваться с Вами и с нетерпением жду от Вас по этому поводу ответа. Если б нам не удалось списаться с Россией, я думаю, что мандат имело бы право выдать Вам и загр[аничное] Бюро партийцев. Оно же может наметить и кандидатов.

Пользуюсь случаем, чтоб высказать Вам свое мнение по вопросам, поднятым в Ваших двух последних письмах. Вы правы, передовица о Жоресе[73] вышла не особенно удачна. Дело в том, что ее поручили написать Ал[ексинск]ому, но он ее задержал и представил, когда уже не было времени собраться редакции и статью обсуждать. Оставалось или пускать ее за его подписью или отлагать до след[ующего] номера. Так и оставили ее, как она была. Он считает ее «стихотворением в прозе», а, по-моему, она сильно отдает елеем. Я согласен также и с тем, что не следует слишком нападать на блок. Но по поводу ст[атьи] Воронова[74] остался в ред[акции] в одиночестве. Добился только того, что Воронов выбросил слишком резкие места. Ал[ексинск]ий был против статьи, поскольку в ней выражалась немотивированная боязнь за судьбу обществ[енных] организаций и обороны, но тоже настаивал на самом беспощадном выступлении против блока. В этом вопросе он сильно колеблется, и невозможно узнать «чего он хочет». В Вашем письме для меня не ясна Ваша мысль о том, что своими откровенными взглядами на задачи и цели обществ[енных] организ[аций] мы повредили им, обратив на эту их деятельность внимание правительства. Но как же мы могли действовать иначе?

Для широких масс сознание задач и целей проявляется часто тогда, когда они достигли уже их разрешения. Но вожди этих масс, сознавая эти цели и ставя их объектом своей деятельности, могут ли они умалчивать об них и, если да, то при каких обстоятельствах? Не здесь ли кроются разногласия между большевизмом и меньшевизмом, которые меня с Вами разделяют *теперь*, м[ожет] б[ыть], только по недоразумению с моей стороны?

Интернациональными вопросами нам в «Призыве» следует заняться более внимательно. В частности, Вы не обратили внимания, что о взглядах П. Иглесиаса[75] была статья в № 43 «Призыва», также несколько раз сообщалось у нас и о взглядах Брантинга[76].

Гаагская конференция соц[иалистов] союзных стран поставила на конкретную почву вопрос о созыве М[еждународного] с[оциалистического] б[юро][77]. Чрезвычайно интересно знать Ваше мнение по этому вопросу.

Тот факт, что резолюция конференции была принята единогласно и за нас, значит, голосовал и Брантинг, заставляет относиться к ней с осторожностью. Я думаю, Брантинг прав, когда говорит, что эта рез[олюция] составляет прогресс [по сравнению] с рез[олюцией] Копенгагенской. Это несомненно так, и этот прогресс — наша победа[a].

М[еждународное] с[оциалистическое] б[юро] будет созвано и, возможно, что ранее, чем мы бы того хотели[b]. Но, по-моему, мы сделали бы большую ошибку, если б показали, что идем туда, будучи вынуждены на это; надо говорить, что идем туда, ибо убедились, что идем на собрание М[еждународного] *соц*[иалистического] бюро, а не в анархистскую компанию, а несомненно, что смысл рез[олюции] Гаагской конференции именно таков: она как бы гарантирует французам и бельгийцам, что в М[еждународном] с[оциалистическом] б[юро] (вернее, в б[ольшинств]е его) они не встретят себе врагов.

Буду ждать от Вас ответ относительно дел, касающихся партийцев в связи с конф[еренцией] союзников.

Шлю привет Вам и Розалии Марковне и остаюсь преданный Вам

Марк

РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 532. В. 266. 50. Л. 1–4.

№ 30

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову[c]

Saltino-Vallombrosa *22 сент[ября] 1916 г.*

Дорогой т. Любимов,

великое спасибо Вам за все Ваши товарищеские услуги. Мне особенно пригодились выписки из «Повреждения нравов» Щербатова. Эти выписки были просто незаменимы. Не знаю, отчего никто не пишет мне как обстоит дело с нашим представительством на конференции социалистов союзных стран? Неужели Вандервельде ничего не ответил Алексинскому? Это невозможно.

Посылаю Вам статью для годовщины «Призыва»[78]. Названия я не мог придумать, придумайте его сами. Может быть, запоздал со статьей оттого, что был в отсутствии, когда пришло письмо насчет ее. А уезжал я вот зачем. В России приступают к изданию большой газеты[79], имеющей огромные средства и связи. За нею стоит много крупных предпринимателей. Но редакция хочет (обещает) сделать из нее une

---

[a] Данный абзац подчеркнут Плехановым карандашом.

[b] Предложение подчеркнуто Плехановым карандашом.

[c] Этим письмом открывается подборка документов, относящихся к истории несостоявшегося участия Плеханова и его единомышленников в издании газеты «Русская воля». Подробно эта тема (без публикации относящихся к ней материалов) была рассмотрена в интересной статье А. Д. Белявского «Г. В. Плеханов, «Призыв» и газета "Русская воля"» // Ученые записки Горьковского гос. университета им. Н. И. Лобачевского. Вып. 85. Серия историческая. Горький, 1967. С. 34–43.

tribune libre[a] для всех писателей прогрессивного образа мыслей. Приглашали меня. Я ответил, что *без вас, участников «Призыва», я не могу решиться.* С Вами будут говорить об этом в Париже. К этому вопросу надо отнестись очень серьезно. Une tribune libre, при огромных связях и средствах, — великое дело. Редакция свою программу выражает приблизительно так: развитие производительных сил России, для к[ото]рого необходимы в интересах этого развития свободные учреждения, *обеспечивающие, между прочим, и права рабочего класса.* Пропаганда таких идей может быть очень полезна. Короленко и вообще «русские богачи» ведут большую агитацию против предполагаемого органа, как против органа капиталистов. Но ведь их вообще пугает мысль о развитии капитализма в России. Я прошу Вас довести мое сообщение до сведения редакции «Призыва». Мне очень важно знать Ваше мнение. Но, конечно, решение этого вопроса лучше отложить до встречи редакции с теми лицами *(их два)*[80], которые будут говорить с Вами. Не забывайте, товарищи, слов Бебеля *о черте и об его бабушке*[81]!

Крепко жму руку.

Ваш Г. Плеханов

P. S. Я здесь простудился, *на днях еду в Сан-Ремо.*

P. S. Надеюсь в понедельник выехать отсюда во Флоренцию. Там пробуду *дней шесть.* Адрес: *Pensione Lottini, Lung'arno Corsini.* В случае надобности, пишите туда. Проведя дней шесть во Флоренции, еду в Сан-Ремо.

Ваш Г. П.

О моем флорентийском адресе поставьте в известность Воронова.

Г. П.

На днях еду во Флоренцию, а оттуда в Сан-Ремо[b].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 42. Л. 1–3.

№ 31

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову и Б. Воронову[c]

San Remo *18 окт[ября] 1916 г.*

Дорогие товарищи Любимов и Воронов,

я только что получил Ваши письма и немедленно отвечаю на них.

Один из Вас говорит, что вопрос ставится о том, быть или не быть «Призыву». Для меня вопрос ставится не совсем так, но отчасти и сходно с этим. Я спрашиваю себя, не поведет ли за собою участие кого-нибудь из нас в предполагаемой к выходу газете раскола в редакции «Призыва»? И я тотчас же решил, что *если бы* существовала подобная опасность, то каждый из нас должен был бы отказаться от участия. Факт существования «Призыва», по-моему, очень важен во многих отношениях. Сейчас я не предвижу такой комбинации политических условий, в виду которой можно было бы пожертвовать «Призывом». Поэтому я счел бы себя обязанным подчиниться решению большинства редакции даже в том случае, если бы я думал, что ей следовало бы принять другое решение. Но в данном случае я согласен с большинством — *точнее: почти* согласен. Разница лишь в оттенках.

В разговоре с профессором Адр[иановым] и Амфитеатровым я ставил свое участие в газете в зависимость от того, как отнесется к

---

[a] Свободную трибуну (фр.).

[b] Приписано Плехановым в левом верхнем углу первой страницы письма.

[c] Данный документ печатается по фотокопии. В письме имеются авторские зачеркивания и исправления.

нему редакция «Призыва». *Если*, — сказал я, — большинство найдет возможным немедленное участие, *то* и я немедленно стану Вашим сотрудником, *и тогда* я напишу статью «О любви к отечеству и народной гордости», в которой постараюсь выяснить, как надо относиться и к той, и к другой современным социалистам. *Если же* редакция *«Призыва»* найдет, что с участием в газете надо подождать до обнаружения характера новой газеты, *то* и мне придется подождать». Но я прибавил, что ждать, наверно, придется не долго, так как газета скоро рассеет сомнения относительно ее направления. А это я сказал на том основании, что мне сообщили *программу* газеты, несомненно, вполне определенную. *Вот в каком мысле*, замечу мимоходом, — *обещал я статью*. Итак, дело зависело от переговоров Адр[ианова] (и еще предстоящих переговоров Амфитеатрова) с Вами. Но пока суд да дело, случился новый факт: назначение Протопопова на пост министра[82]. Это — очень важный факт: официальный запах нам не подходит. Поэтому я просил свою дочь передать Любимову, что лучше подождать с участием в газете, *если* Протопопов не откажется от издания газеты (почти еще не было известно о передаче им дела в руки Гримма). Самоустранение Протопопова, казалось мне, устраняло бы мои опасения насчет официального запаха: Гримм известен за независимого человека. Но Вы находите, что все-таки лучше подождать. Может быть, Вы и правы. *Подождем*. Это будет полезно еще и потому, что, в самом деле, лучше снестись с нашими единомышленниками в России. Конец концов. Я принимаю Ваше мнение. Так я писал и Алексинскому, который, наверно, уже сообщил Вам о моем письме. Это мое письмо было ответом на его запрос. Из его письма я сделал тот вывод, что он *еще не взял* на себя телеграфной информации новой газеты, а только хотел *бы* взять. Я писал ему, что так [как] приходится обождать с выступлением (публицистическим) в газете, то по необходимости придется отказаться и от телеграфной информации [и] информации «всем собором». Это было досадно. Чтобы хоть немного поправить дело, я советовал Алексинскому (а через его посредство и всей редакции) поставить условием, чтобы телеграфные корреспонденты газеты были обязаны пересылать все те известия, какие мы найдем нужным сообщить редакции. (Конечно, в том случае, *если* мы, осмотревшись, найдем возможным участвовать в газете). По-видимому, еще раньше получения моего ответа, Алексинский взял на себя телеграфную информацию. Лучше было еще пообождать. Но не забывайте, что во всяком случае, иное дело *телеграфная информация*, а иное дело — *публицистическое* участие. Я уверен, что, как публицист, Алексинский выступит в газете *только* с нами.

На днях с редакцией «Призыва» увидится Амфитеатров. Вы, конечно, доведете до его сведения о решении, Вами принятом. Об одном прошу: не давайте Вашему решению *абсолютной* формы. Я верю (вполне) в политическую порядочность Амфитеатрова; верю и в то, что редактируемая им газета не будет официозной. *Если* я прав, *то* наше участие в ней есть дело будущего, быть может, очень недалекого. Говорю это потому, что, если осторожность нужна в этом деле, то ведь нужна она и в том случае, когда мы даем временный отрицательный ответ. Подумайте: газета начнет с тиража в 800 000 экземпляров. Подумайте: она заявит, что, если Россия хочет поднять свои производительные силы на уровень западной страны, то ее рабочий класс должен получить права, принадлежащие западному рабочему! Один факт такого заявления имеет огромную политическую важность. Таких заявлений наши капиталисты еще не делали.

Резюме: факт назначения Протопопова вынуждает нас пообождать с выступлением в качестве сотрудников новой газеты. Поэтому, сейчас *не может быть и речи о помещении наших имен в списках сотрудников.*

Об этом я уже писал Алексинскому. Но мосты не должны быть разрушены. Напротив, надо завязать дружеские отношения с Амфитеатровым в ожидании выяснения характера его газеты.

А главное — надо беречь «Призыв» и держаться дружно, каковы бы ни были, по данным отдельным случаям, оттенки наших мнений. *«Призыв» — факт большой важности.*

Крепко жму Ваши руки.

Ваш Плеханов[a]

N[ota] B[ene][b]

P[ost] Scriptum. Получает ли редакция «Призыва» новый орган Гюйсманса[83], выходящий в Голландии? Я прошу Вас принять меры к тому, чтобы Гюйсманс высылал мне свою газету. Все расходы по этой части немедленно покроет моя дочь. Постарайтесь выписать для меня это издание.

На днях я напишу для «Призыва» большую статью о германской с[оциал]-д[емократической] конференции.

Мне кажется, что следовало бы перевести и целиком поместить у нас протест металлургистов против созвания Легиеном[84] международной профессиональной конференции. Было бы полезно довести этот протест до сведения русских рабочих через посредство легальных русских газет.

Г. П.

Что касается наших русских единомышленников, то я имею в виду не Иорданского, а Гвоздева[85] и его товарищей. К сожалению, Иорданский не отличается политической дальновидностью. Его может запугать какой-нибудь Бонч-Бруевич[86]: ведь поместил же Иорданский «критику» нашего манифеста, написанную Рожковым, а ведь трудно придумать что-нибудь глупее этой «критики». Итак, Иорданский здесь в счет идти не может. Иное дело Гвоздев. Если можно знать его мнение, — т. е. если можно снестись с ним, — то необходимо принять все меры к тому, чтобы это мнение сделалось нам известным. Мы не можем разойтись с Гвоздевым. Это было бы непоправимой ошибкой.

Ваш Г. П.

Не думает ли т[оварищ] Воронов ехать на юг? Что, если бы он приехал к нам? Хорошо бы это[c]!

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 44. Л. 1–14.

№ 32

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову

На бланке отеля «Londres» Gênes[d]

[Gênes] *le 23 Octobre 1916 г.*

Дорогой т. Любимов,

я видел сейчас Амфитеатрова, который едет в Россию.

---

[a] Фраза приписана Г. В. Плехановым по левому краю письма.

[b] Внимание (лат.).

[c] Приписано в верхнем левом углу первой страницы письма.

[d] При письме сохранился конверт, на обратной стороне которого имеются множественные карандашные зачеркивания. Рукой неустановленного лица указан адрес: Zalmanov, Hotel Uranie 239, rue de Bersy для «Призыва».

Я сказал ему, что выступить немедленно в качестве сотрудников его газеты мы никак не можем. Она должна *предварительно* выявить свое направление. Но он и сам близок к нашему решению. Кампания против газеты произвела впечатление и на него. Он говорит, что сейчас он сам не знает, останется ли он в ее редакции: приедет в Россию, там увидит. Но, если он разорвет с этой газетой, то оснует другую. По отношению к этой, другой, мы будем держаться того же правила: мы поддержим Амфитеатрова, как только ему удастся основать независимый прогрессивный орган. А пока приходится выжидать, избегая разрыва с ним, который был бы и незаслуженной обидой Амфитеатрову, и политической ошибкой. Спешу отправить письмо: надо ехать в Сан-Ремо.

Ваш Г. Плеханов

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 23. Л. 1–2.

№ 33

Р. М. Плеханова — А. И. Любимову[a]

На бланке: *Docteur Plekhanoff*
«Le Repos» San Remo *10-го ноября н. с. [1916 г.]*

Дорогой товарищ,

письмо это пишу Вам сейчас по получении мужем Вашей последней карты. Он просит меня передать Вам, что, по его мнению, прекратить «Призыв» теперь было бы таким поражением, какого никогда нам не могли нанести пораженцы. Весь вышедший инцидент внутри «Призыва»[87] надо предоставить суду и воле божьей. Терять Алексинского, как одного из редакторов газеты, было бы сильным уроном для нас, т[ак] к[ак] Алексинский очень талантливый человек. Конечно, было бы очень желательно, чтобы в редакции «Призыва» при решении вопросов, касающихся редакции, меньшинство подчинялось большинству, и муж первый подчинился бы, но обязывать к подчинению он находит невозможным. Муж находит, что тов. Алексинский при всей своей горячности обладает достаточным политич[еским] тактом и революционностью, чтобы вовремя уйти, как только увидит, что сделал ложный шаг. Во всяком случае, муж не думает, чтоб такие шаги тов. Алекс[инского] за его собственной ответственностью отразились так или иначе на влиянии и престиже «Призыва». Этот последний должен жить, вопреки трениям, которые могут быть иногда неизбежны вследствие разницы темпераментов отдельных членов редакции. Крах «Призыва» поднимет фонды «пораженцев», а это последнее обстоятельство грозило бы последствиями, нравственная ответственность за которые лежала бы целиком на нас всех (т. е. ред[акции] «Призыва»).

Так как Ваша карта очень встревожила мужа, то он просит Вас держать его au courant[b] всего, что происходит у вас.

Вам и всем тов[арищам] по редакции горячий привет от мужа.

Жму руку. *Роз. Плеханова*

РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 54. В. 481. 21. Л. 8–9.

---

[a] При письме сохранился конверт с надписью, сделанной рукой Р. М. Плехановой: «Попытки спасти единство ред[акции] «Призыва».
[b] В курсе (фр.).

№ 34

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову

На бланке: *Docteur Plekhanoff*
«Le Repos» San Remo[a]
Villa Victoria *18 ноября 1916 г.*

Дорогой т. Любимов,

я был нездоров. Стал оправляться и принялся за статью для «Призыва». Но вот уже 3 дня, как я опять заболел. Вынужден отложить окончание статьи. Пока пишу Вам ответ на Ваше последнее письмо. (Письма от 4-х членов редакции «Призыва» я так и не получил)[88]. Умоляю Вас и всех остальных членов редакции, недовольных т. Алексинским: не предпринимайте ничего против этого товарища. Ne precipites rien; rien ne presse[b]. Нам надо избежать разрыва в «Призыве». Подумайте, как отразится раскол на нашем представительстве на conférence des pays alliés[c]. Иностранные товарищи скажут: encore une division![d] А ведь они и так смеются над нами. Тогда хоть и не езди на конференцию. Мы всегда успеем заявить, что мы не участвуем в злополучной газете. И это можно сделать мимоходом, в какой-нибудь статье, направленной против наших врагов. Подумайте, товарищи, ведь если где-нибудь появится известие об участии Алексинского в известной Вам газете, то это же известие будет означать, что участвует *он один*, т. е. что мы, остальные соредакторы, *не* участвуем. Мы будем блистать своим отсутствием, и плохого здесь для нас нет. Только о нашем решении надо известить Бурьянова и Иорданского. Итак, умоляю, *пока что* предоставьте дело суду и воле божьей. Да сообщите мне, как же обстоит дело с конференцией. Когда она соберется? Мне *необходимо* знать это.

Я понимаю Ваше решение о поступлении волонтером во французскую армию. Но это нас окончательно дезорганизует. А ведь мы тоже работаем для pays alliés. Подумайте об этом.

Всем вам привет.

Ваш Г. П.[e]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 24. Л. 1–2.

№ 35

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову

На бланке: Docteur Plekhanoff
«Le Repos» San Remo[f] *28 ноября 1916 г.*

Дорогой т. Любимов,

спешу написать Вам эти строки, чтобы попросить Вас передать редакции «Призыва» мой совет напечатать в след[ующем] №, — *целиком*, — воззвание Вандервельда к Интернационалу о зверствах немцев в Бельгии[89].

---

[a] Реквизиты бланка зачеркнуты, за исключением названия места, и приписано: «Villa Victoria».
[b] Не торопитесь, торопиться некуда (фр.).
[c] На конференции союзных стран (фр.).
[d] Еще один раскол (фр.).
[e] Приписано по правому краю последней страницы письма.
[f] При письме сохранился конверт.

По поводу этого воззвания я пишу статью. Послезавтра пошлю ее на имя[a] *Дюма*.

Зайдите к нему. *Ваш Г. П.*

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 41. Л. 1.

№ 36

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову

На бланке: *Docteur Plekhanoff*
«Le Repos» San Remo[b]
San Remo *26 дек[абря] 1916 г.*

Дорогой т. Любимов,

сейчас получил Ваше письмо с извещением о книгах. Прежде, чем ответить на него, позвольте мне поблагодарить Вас, а через Ваше посредство всю группу, пославшую мне свою телеграмму по случаю сорокалетней годовщины казанской демонстрации. Эта телеграмма глубоко тронула меня. Я тотчас же ответил бы на нее, если бы не был нездоров. Теперь мне лучше, и я очень прошу Вас поскорее передать мою благодарность парижским товарищам.

Я особенно дорожу тем, что мне послали дружескую телеграмму члены группы независимо от оттенков социал-демократической мысли, т. е. от того, кто принадлежит к числу большевиков, а кто — к числу меньшевиков. Разногласия между нами, — поскольку существуют они, — сводятся к вопросу о применении нашего материалистически-диалектического метода к вопросам международного рабочего движения. Тут возможны и неизбежны разногласия, — как и в вопросах любой науки, — но не должно быть места неискоренимому взаимному предубеждению, причинившему столько зла нашей партии. Мне показалось, что у Вас нет предубеждения против меня, — потому-то Ваша телеграмма и доставила мне большую радость. Если уж пошло на выражение чувств, то я скажу Вам, что я знаю «одной лишь думы власть»: интересы нашего рабочего движения. К этому приурочивается и то, что теперь кажется некоторым товарищам моим *«национализмом»*. Весь мой «национализм» вызывается сознанием того, что *русский пролетариат* поставлен судьбою историческою в особенно неблагоприятные условия, и я готов сделать все, что угодно для того, чтобы помешать *кому бы то ни было* поставить его в условия, еще более неблагоприятные. Другими словами, я вижу, *я знаю*, что русский рабочий класс есть *пасынок истории* и глубоко возмущаюсь, когда более его счастливые *дети* истории третируют его с незаслуженным презрением.

Однако, довольно. Спасибо за хлопоты о книгах. Но «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева есть у меня в двух изданиях. Мне нужно было бы сделанное Каллашем *Полное* собрание сочинений. Может быть, оно есть в Лавровской библиотеке? Снеситесь с Рубановичем. Послезавтра надеюсь послать для «Призыва» новую статью на адрес секретаря редакции. Т. Любимов, Ваше поступление в военную службу вредит работе в тылу.

Жму руку. Благодарный Вам *Г. Плеханов*

P. S. Увы, как много в моих статьях опечаток![c]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 27. Л. 1–2.

---

[a] Последующие строки приписаны по левому краю страницы.

[b] Реквизиты бланка зачеркнуты. При письме сохранился конверт.

[c] Написано по верхнему краю последней страницы письма.

№ 37

Б. Воронов, А. И. Любимов, А. А. Аргунов, Н. Д. Авксентьев — Г. В. Плеханову[a]

Париж *29 декабря 1916 г.*

Многоуважаемый Георгий Валентинович,

мы знаем, что это наше коллективное письмо (Любимова, Воронова, Аргунова, Авксентьева) будет для Вас чрезвычайно неприятно. Но дело идет на этот раз о том — быть или не быть «Призыву».

На ближайшем собрании редакции мы вновь, и уже вполне определенно и категорически, предложим Алексинскому выбирать между участием в «Призыве» и участием в «Русской воле». И мы хотим сейчас изложить Вам т[ак] сказать неофициально мотивы этого нашего решения.

Мы и раньше не скрывали от Вас того, что мирное разрешение конфликта между нами и Алексинским, так или иначе удававшееся до сих пор, — отнюдь не гарантировало нас от возможности новых обострений. Мы, как Вам известно, все время шли на компромиссы, иногда даже очень тяжелые для нас, единственно ради сохранения «Призыва». Но со стороны Алексинского мы не встречали хоть какой-нибудь готовности к лояльному соблюдению ради него одного заключавшихся компромиссов. Наоборот, он упорно не желал считаться с мнением большинства редакции, систематически игнорировал ее решения и противодействовал им.

В самом начале было принято решение о заключении с «Р[усской] в[олей]» лишь условных соглашений впредь до получения отзывов от наших российских единомышленников. Алексинский счел возможным взять на себя роль организатора заграничной агентуры газеты в пяти европейских странах и найти с этой целью несколько лиц, отнюдь не считающих себя связанными каким бы то ни было решением о возможности заключения с «Р[усской] в[олей]» лишь условных соглашений.

По получении ответов от российских товарищей (Бурьянова, Иорданского, Зензинова) редакция решила, что сотрудничество в «Р[усской] в[оле]» невозможно до выхода этой газеты и до ознакомления с ней. Алексинский отказался считаться и с этим решением. Когда же редакция пожелала публично заявить то, что есть на самом деле, т. е. что Алексинский участвует в «Р[усской] в[оле]» за своей личной ответственностью, он сказал, что будет считать это провоцированием его на выход из редакции. Мы снова пошли на уступку и в виду заявления Алексинского, что он официально не говорил редакции о своем участии в «Р[усской] в[оле]», сделали последний абзац резолюции безыменным.

И вот через две недели во всех здешних газетах за подписью редакции «Р[усской] в[оли»] печатается сообщение, что Алексинский является представителем этой газеты в Париже. А Алексинский заявляет нам, что это сообщение было послано во французские газеты по его прямому требованию. Мы попали в положение прямо комическое. Но и его мы, б[ыть] м[ожет], стерпели бы, как терпели все до сих пор, если бы в № 274 «Русских ведомостей» не было напечатано письмо Протопопова, заставляющее нас установить вполне отрицательное отношение к «Р[усской] воле». Из этого письма с

---

[a] Письмо от имени редакции написал Б. Воронов, печатается по его автографу. Им же вписаны имена всех лиц, по поручению которых оно составлено.

несомненностью вытекает, что «Р[усская] в[оля]» является газетой, с которой он лишь «по необходимости прервал всякие сношения, когда вошел в ряды правительства». Надо думать, однако, что он еще не совсем порвал с ней сношения, раз вздумал выступать ее защитником в печати. Факт этот только подтверждает то, о чем много раз говорилось и писалось по поводу близости газеты к сферам. Не менее характерен и список предприятий, давших газете деньги. Указание наших российских друзей, что «Р[усская] в[оля]» является органом металлургического треста, подтверждается этим списком. А так как эти предприятия находятся под фактическим контролем банков, то подтверждаются и самые худшие опасения о связи этой газеты именно с банками.

Участие члена нашей редакции в подобном темном предприятии не только бросит тень на наш журнал, но и заставит отказаться от нас наших друзей в России, повредит нашему политическому влиянию.

Как Вы увидите из прилагаемого письма Иорданского (к Любимову) в России намереваются принять против Алексинского литературно-общественные меры. И если до сих пор мы игнорировали то, что принималось против Алексинского заграничным общественным мнением, то игнорировать отрицательное отношение к одному из членов ред[акции] «Призыва» — со стороны наших российских единомышленников — мы не можем. Не можем, по чистой совести, и защищать Алексинского. И не желаем нести на себе ответственность за дела, против которых все время мы самым решительным образом протестуем.

По отношению к Алексинскому приходится еще сказать. Если правда, что кому много дано, с того много и взыщется, то еще больше взыщется с того, кто сам мнит о себе самом слишком много. С самого начала войны Алексинский взял на себя роль защитника морали и нравственности, ловил и разоблачал двурушников. Не так давно, незадолго до приезда Адрианова, он хотел поместить в «Призыве» статью о связи «Летописи» с банками, базируясь на том, что банки печатают в «Летописи» свои объявления. А сам теперь — участник газеты, связанной с банками и сам оказался причастным к двурушничеству, пригласив в корреспонденты из Голландии Г. В. Понна (Фельдмана), поместившего статью в последнем номере «Летописи».

Все вышеуказанное бросает на «Призыв» такую тень, с которой мы не можем мириться. И все это заставляет нас сложить с себя всякую ответственность за личные действия Алексинского и заявить, что Алексинскому надо выбирать теперь между «Призывом» или «Рус[ской] волей».

К этим соображениям политического и организационного характера мы считаем необходимым добавить и соображения морального свойства. Мы не можем работать с человеком, вводящим нас в заблуждение. Алексинский на прямой наш вопрос — является ли он официальным, а не только условным сотрудником — заявил, что слухи об его участии — сплетня. А теперь из письма Иорданского мы видим, что в это самое время он был объявлен, как ближайший участник «Р[усской] в[оли]»; теперь мы видим, что во французской печати, по его требованию — как он сам заявляет напечатано, что он, Алексинский — представитель «Рус[ской] воли» в Париже. После 1 1/2 годовой совместной работы мы не можем допустить такого отношения к нам, тем более, что Алексинский знает, что, требуя напечатания своего имени, он возлагал ответственность на всю редакцию «Призыва».

Мы употребляли все усилия, чтобы закончить конфликт с Алексинским без ущерба для «Призыва». Теперь очередь Алексинского позаботиться о том же. И если он это сделает, уйдет из «Р[усской]

в[оли]» — тогда глаз долой тому, кто старое вспомянет. Если же он останется там, то вопрос о дальнейшем существовании «Призыва» будет зависеть лишь от Вас, Георгий Валентинович, ибо без Вас «Призыв» существовать не может.

Одновременно с этим неофициальным коллективным письмом пересылаем Вам ту резолюцию, которую мы составили вчетвером. Алексинский заранее отказался обсуждать с нами вопрос о новых фактах по отношению к «Р[усской] в[оле]», хотя мы его об этом и просили.

С товарищеским приветом, с надеждой на то, что Вы выскажетесь за дальнейшее существование «Призыва».

Любимов, Воронов, Аргунов, Авксентьев

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 532. В. 266. 79. Л. 1–3.

№ 38

Р. М. Плеха́нова — А. И. Любимову[a]

Сан Ремо *27 февраля н. с. [1917 г.]*

Дорогой товарищ,

у нас к Вам опять просьба: нам очень нужен тот № «Рус[ской] воли», где напечатана статья мужа: «Стоны Бельгии, логика Циммервальда и рабочий Интернационал». Мы только что узнали от Бор[иса] Виктор[овича] С[авинкова][90], что статья эта воспроизведена целиком из «Призыва» в «Р[усской] в[оле]» и снабжена примечанием, которое может ввести читающую публику в обман относит[ельно] участия мужа в «Р[усской] в[оле]». Все это нас крайне обеспокоило. Когда Вы писали мужу о том, что носятся слухи, будто А[лексинский] говорил парижской публике, что статья мужа появится в этой газете, мы считали это просто невероятным, мы не могли себе представить такой *непорядочности* со стороны «enfant terrible»[b] Алексинского и считали эти слухи сплетней досужих парижских корреспондентов. Из Вашего письма мы заключили, что и Вы этим слухам не придаете значения. Нам только казался факт воспроизведения из «Призыва» статьи Алек[синского] для «Р[усской] в[оли]» без спроса мужа — крайне неделикатным в виду того, что муж решительно отказался от личного участия в этой газете, о чем известно было Алек[синскому] задолго до появления ее. Я даже собиралась написать и дать понять Алек[синскому] его бестактность. Но потом, подумав, я решила, что ожидать такой *тонкой деликатности* со стороны А[лексинского] было с моей стороны ошибкой. Теперь же мы узнаем, что «Р[усская] в[оля]» поступила некорректно, что она не говорит категорически, что взяла статью из «Призыва», а что, мол, была предназначена для «Призыва», но напечатана у них. Словом, это инсинуация, которую находим необходимым опровергнуть и как можно скорее... Лишнее прибавить, что А[лексинский] послал выдержки из статьи, не спросив согласия мужа и поставил его в неприятное положение по отношению к журналу «Дело»[91], где она должна была явиться через некоторое время после появления в «Призыве». Были сделаны две рукописи: одна для «Призыва», а другая для «Дела». А[лексинский] здесь поступил, по-

---

[a] При письме сохранился конверт с надписью (рукой Плехановой): «Письма Г. В. и Р. М. Плехановых». На лицевой стороне конверта написано рукой А. О. Дуката, участвовавшего в разборе архива Плеханова: «Письма Г. В. и Р. М.».

[b] Скверный мальчишка (фр.).

моему, как литератур[ный] мародер, а Амфит[еатров] нашел для себя выгодным написать такое примечание, что публика осталась в недоумении.

Как бы то ни было, надо протестовать против поведения этих господ, а у нас не имеется под рукой № «Р[усской] в[оли]» и текста примечания. Если Вы не сможете прислать нам № газеты, то будьте так добры скопировать примечание редакции в точности и одновременно сообщить нам, целиком ли она воспроизведена или же только отчасти. Вы нас очень обяжете. Какая это печальная история! Неужели надо опасаться товарищей больше, чем самых опасных врагов? Воспроизведение статьи мужа *без его согласия и вопреки его заявлению* (неоднократ[ному]) *ему* — т. Ал[ексинскому] и *редакции «Призыва»*, что он не будет участвовать в «Р[усской] в[оле]»[a], есть очень неделикатный поступок. Двусмысленное же примечание редактора «Р[усской] в[оли]»[b] — это просто бессовестность. Вы себе представить не можете, дорогой товарищ, как нас волнуют все эти действия товарищей и приятелей.

У меня еще есть к Вам дело в связи с этой самой злополучной «Р[усской] в[олей]». Корр[еспондент] этой газеты г. Фельдман сделал когда-то письменный запрос мужу относит[ельно] его участ[ия] в этой газете. Муж ему категорически ответил, *что не участвует и не будет участвовать*, что он присоединяется к решению «Призыва» и советовал ему и др[угим] товарищам сделать то же. Несмотря на это письмо, этот умный господин недели две тому назад делает новый запрос мужу, на этот раз по телеграфу из Гааги: «Télégraphiez vérité votre collaboration rousskaia Volia»[c]. На эту странную телеграмму муж ответил текстуально: *«Collabore pas assertion contraire mensonge»*[d]. К сожалению, телеграмма не дошла до Фельдмана. Она вернулась из Англии, так как она была адресована «poste restante». У нас спросили адрес. Мы его не знали. Не знаете ли Вы, дорогой товарищ, его адреса? Если да, то будьте так добры сообщить ему от имени мужа ответ, если это, конечно, Вас не затрудняет. И прибавьте, пожалуйста, что третий его запрос останется без ответа... Тяжело иметь дело с такими неделикатными, грубыми людьми.

Муж очень нездоров и придавлен работой, он заканчивает последнюю главу 3-го тома «И[стории] р[усской] м[ысли]». Как только закончит, он приступит к приготовлениям к поездке на париж[скую] конференцию[92]. Я буду его сопровождать, так как боюсь пустить его одного.

Хорошо было бы, если бы Вы повидали Thomas и попросили бы его похлопотать, чтобы нам никаких затруднений не сделали при переезде через границу. От французской партии муж получил очень лестное и любезное приглашение участвовать на конференции.

Ждем скорого ответа и шлем искренний привет

Роз. Плеханова

РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 55. В. 481. 29. Л. 1–4.

---

[a] В тексте описка: «Р. С.».

[b] В тексте описка: «Р. С.».

[c] Телеграфируйте достоверность Вашего сотрудничества в «Русской воле» (фр.).

[d] Не сотрудничаю, вопреки утверждению, ложь (фр.).

№ 39

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову[a]

San Remo *17 марта 1917 г.*

Дорогой т. Любимов,

я до сих пор не имею от Вас ответа на счет моей статьи[93]: получена ли, наконец, она? Если нет, я вышлю новый список. Телеграфируйте. Но, во-первых, ее надо напечатать с примечанием: она была писана накануне ожидавшейся конференции соц[иалистов] с[оюзных] стран. Кроме того, необходимо, чтобы редакция написала новую передовую по поводу того, что случилось в России. Вышло совсем согласно нашему манифесту, и это необходимо, — безусловно необходимо отметить в статье. Я бы сам написал ее, но боюсь, что, написанная здесь, она устареет прежде, нежели дойдет до Вас. Поэтому пишите *Вы*, т. Любимов. Нынешние события служат лучшим оправданием нашей позиции и нашего метода.

Вы зовете меня в Париж. Теперь надо собираться в Россию. Сборы на конференцию застали меня больным. Я ехал quand même[b]. Но раз конференция отсрочена, надо оправиться и только потом уже пускаться в путь (в Россию). А пока надо было бы повидаться в Ницце. Пусть кто-нибудь из редакторов «Призыва» приедет туда. Что Вы об этом думаете? Ехать мне сейчас больному прямо не расчет: надо сохранить (и увеличить) остаток моих сил для России. А повидаться необходимо: только теперь начинается русская революция, но теперь она начинается не только на словах.

Жду вестей и поздравляю, обнимаю всех вас: ныне отпущаещи, Владыко!

Ваш Г. Плеханов

P. S. Посылаю письмо даже не перечитав его; простите описки[c].

Г. П.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 31. Л. 1–2.

№ 40

Г. В. Плеханов — А. И. Любимову[d]

Пятница, 22[?] марта 1917 г.

Дорогой т. Любимов,

по-моему, Авксентьев и другие члены редакции «Призыва» правы: надо ехать в Россию как можно скорее. Надо сделать все, от нас зависящее, чтобы у нас не повторились июньские дни 1848 года. Во Франции эти дни привели ко второй империи; у нас — приведут к реставрации (весьма продолжительной). Я употреблю все силы, чтобы достать Вам денег на проезд. Хоть часть! Напишите, сколько именно нужно денег. Мое здоровье лучше. Я надеюсь скоро быть mobilisable[e]. Тут тоже замешан денежный вопрос.

Пишу Вам на почте; перо отвратительное. Простите.

Если наши товарищи с[оциалисты]-р[еволюционе]ы еще не уехали, обсудите с ними следующий важный вопрос.

---

[a] При письме сохранился конверт.

[b] Вопреки всему (фр.).

[c] Приписано по левому краю последней страницы письма.

[d] При письме сохранился конверт.

[e] В форме (фр.).

Я получил известие, что временное правительство хочет предложить *мне Министерство труда*[94]. Я убежден, что мне *не следует* принимать это предложение: оно ослабит мое влияние на рабочий класс. Что Вы думаете?

Неужели через Тома нельзя добиться, чтобы Англия пропустила Авксентьева и других? Сегодня же пишу об этом Тома и укажу ему на Вас, чтобы Вы могли вступить с ним в переговоры о démarches[a], которые должны быть им сделаны. Пусть он напишет Лойду Джорджу[95].

Всем Вам горячий привет.

Ваш Г. Плеханов

Спешу и посылаю письмо, не исправив описок. Г. П.[b]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 56. А. 45. 32. Л. 1–2.

№ 41

Р. М. Плеханова — А. И. Любимову

Санатория Питкеярви над Териоки

Д-ра Циммермана

22-го января [1918 г.]

Дорогой Алексей Иванович!

Мы все время ждем приезда Вашего, Льва Григорьевича или кого-нибудь из других товарищей. Мы совершенно оторваны от мира. Сидим без газет, без писем. Ничего нам не известно о судьбе «Единства». Знаем только из газет, что должно было состояться собрание Петр[оградской] группы «Единства», чтоб поговорить о мерах изыскания средств для того, чтобы газета могла продолжать выходить. Состоялось ли это собрание? И что Вы придумали? Неужели выход ее больше невозможен? Это жалко: последние №№ были очень интересны и при большем расширении рабочего отдела она была бы чрезвычайно полезна. Мне очень нравятся статьи Кубикова[96]. Вы в нем приобрели хорошую литературную рабочую силу. Напишите, каковы Ваши надежды относительно продолжения газеты. Муж просит редакцию «Единства», если газета будет выходить, — заменить слова «под редакцией Плеханова» словами «при участии Плеханова». Ведь все знают, что он далеко, следовательно, фактически редактировать газеты не может. К тому [же], состояние здоровья его таково, что *не* скоро сможет он взяться за статью.

Переезд сюда повлиял на него скверно[97]. Можно сказать, что он оказался жертвой того хаоса, который создали наши теперешние властители. Было условлено, что за мужем явится санитарный автомобиль с кроватью и санитарами. Его бы положили, внесли бы в автомобиль и внесли бы также в вагон. Оказалось, что автомобиль не явился к назначенному времени, так как был реквизирован или [хозяин его] боялся реквизиции. Подумайте, санитарный автомобиль, обслуживающий город, и тот реквизируется! Пришлось ехать в санях. Дорога была длинная, ухабистая, покрытая слякотью. А потом громадную платформу Финляндс[кого] вокзала пройти пешком, спешить. В результате в Териоках ему уже сделалось плохо: крайне затруднилось дыхание. А по приезде он совсем разболелся. Вот уже две недели, как t-а у него очень высокая. Ко всему этому прибавляется невозможность питать его так, как следует. Силы его слабеют. *Словом,*

---

[a] Поступки, действия (фр.).

[b] Приписано в левом нижнем углу последней страницы письма.

никогда он не был так опасно болен, как теперь... И как раз *теперь* мы отрезаны от вас всех. Ни газет, ни писем.

Письмо мое очень минорно. Тяжело на душе...

Позаботьтесь, дорогой Алексей Иванович, о высылке нам денег, последние на исходе, а дерут с нас не по-божески... впрочем, все здесь безумно дорого, а сегодня сидим без хлеба, заменяют рисом.

Деньги занесите нашему доктору. Он обещался привезти их. Адрес его петроградский: *Мойка*, 42; принимает он только по *вторникам* от *1 ч[асу] до 3-х*. Постарайтесь занести ему деньги к часу. Привет Льву Григор[ьевичу], Любови Исаак[овне], Иде Исаак[овне] и друг[им].

Сообщите им содержание письма.

Жму крепко руки Вам и жене

Р. Плеханова

Жорж шлет приветы.

РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 55. В. 481. 69. Л. 14–16.

№ 42

Р. М. Плеханова — А. И. Любимову

Санатория Питкеярви *2-ое февраля [1918 г.]*

Дорогой Алексей Иванович!

В письме Вашем, присланном через доктора, Вы пишете, что посылаете 300 руб. Этих денег я не получила. *В письме их не оказалось и доктору переданы не были.* Надеюсь, что они не затерялись.

Теперь я бы хотела знать, как идет дело с издательством «Единство»[98]. Сколько мне известно, о ликвидации его не было речи. Держится ли оно? Продают ли бошюры? Выходят ли новые? Вышел ли второй выпуск статей и речей Плеханова? Если нет и если издательство «Единство» прекращает тоже временно свое существование, то нельзя ли попросить кого-нибудь из товарищей сходить к изд[ателю] Карабасникову и предложить ему издание 2-го сборника и следующ[их]. Он когда-то очень желал получить какую-нибудь работу Плеханова для издания. Если он и *теперь* может и желает издать что-нибудь плехановс[кое], то я думаю можно ему предложить письма и речи или же «Анархизм и социализм». Но непременное условие — это часть гонорара вперед. Понимаю, что эта попытка имеет мало шансов на успех. Но попробовать надо. Иначе скоро мужу не на что будет лечиться. Здесь дерут с нас немилосердно. Но выхода нет. Ехать некуда, да, если бы и было куда, то это, при теперешнем состоянии мужа, совершенно невозможно. Всякое передвижение теперь было бы его гибелью. Состояние его здоровья чуточку лучше, но остается крайне опасным.

Нас очень интересует, как у Вас кончились дела с объединенной редакцией. Вошли ли наши в нее и в каком виде? В одиночку или как представители организации «Единства»? Вышло ли «Начало» (так, кажется, называется новая газета объединенных оборонцев? Кстати, какое неудачное название!) Напишите обо всем. Привет всем товарищам.

Жму руку

Р. Плеханова

РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 55. В. 481. 70. Л. 17–18.

№ 43

Р. М. Плеханова — А. И. Любимову

3-е апреля [1918 г.]

Дорогой тов. Алексей Иванович,

спасибо Вам за провизию, деньги. Пока нам никакой провизии не нужно, кроме денатур[ир]ов[анного] спирта: муж проводит скверные ночи; приходится часто вставать, согревать ему лекарство, прикладывать горячие компрессы, а санатория наша не имеет ровно никаких удобств для этого. Надо иметь свой спирт. Здесь его купить нельзя. Я забыла сказать об этом Л[ьву] Г[ригорьевичу], и к[отор]ый теперь уже не скоро нас покинет. Поэтому, если кто-нибудь сюда соберется, передайте с ними спирт, если таковой можно раздобыть.

Здоровье мужа крайне плохо. Тем[пература] высокая, процесс идет быстрым темпом. Силы его слабеют, — аппетит плохой. Жду из Петрограда извест[ного] специалиста для консультации. Но я очень мрачно смотрю даже на ближайшее будущее.

Я Вам писала относительно делегации рабочих. Пусть поспешат. Это доставит мужу большое удовольствие. Но Любовь Исааковна писала о делегации в 40 человек. Это бы очень тронуло его, но у него не будет фактич[еских] сил принять такую массу народа.

Теперь несколько слов по поводу финанс[овых] дел. Я узнала, что Ида Исаак[овна] сидит без гроша. Дайте ей пожалуйста из «Плеханов[ского]» фонда 200 рублей. Постарайтесь также дать что-нибудь Любовь Исааковне в счет следуемого ей гонорара. Что, Суворин все не платит долга?

Спешу закончить письмо. Некогда и тяжело на душе.

Жму руку. *Ваша Р[озалия] П[леханова]*

РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 55. В. 481. 73. Л. 25-26.

№ 44

Р. М. Плеханова — А. И. Любимову

Среда, 8 мая [1918 г.]

Дорогой Алексей Иванович,

посылаю Вам несколько слов с оказией. Мы совершенно оторваны от Петрограда — не имеем ни газет, ни известий и это еще больше угнетает моего дорогого больного, который никак не может помириться с мыслью о своей прикованности к постели. Состояние его *крайне* опасное, доктор после последнего исследования нашел его безнадежным в смысле поправки — даже временной, так как правое легкое, которое до последнего времени было в недурном состоянии, начало поражаться, и это поражение идет, по его мнению, быстрым темпом. Но я надеюсь, что доктор вначале, по-моему, слишком *оптимистически* относился к состоянию мужа, теперь перегибает палку в другую сторону. Мне хочется верить, что его сопротивляемость возьмет верх, и он оправится от острого хода болезни. Тогда, быть может, можно будет двинуться на юг. Но как бы то ни было, положение остается крайне опасным и нельзя ответить за завтрашний день.

Получаются ли для нас письма? Если да, сохраните их и пришлите при первой возможности. Мы крайне беспокоимся относительно наших дочерей. Не имеется ли что-нибудь от них? Если да, то прочтите письмо и устно передайте нам его содержание с первым тов[арищем], который двинется сюда. А прислать кого-нибудь необходимо. *Лучше* всего

Каськ[99]. Проходное свидетельство надо получить от наших властей и шведской миссии. Надо ехать по приморской железной дороге до Terminus (станция Дюны), оттуда до Белоострова пешком. Тут же смотрят пропуск, а из Белоострова пешком к нам. Таким образом приехал два дня тому назад отец одной больной. Путь, говорят, не утомительный. Из провизии хорошо было бы прислать немного муки, меду и манной крупы. Здесь форменная голодовка и санаторию освобождают от больных. Оставляют только тяжелых, которым нельзя двигаться.

Я все больше и больше убеждаюсь в том, что мой приезд сюда был очень опрометчив. Хотя и климат здесь лучший, чем в Петрограде, но все другие условия гораздо, гораздо хуже.

Привет всем: Льву Григорьевичу, сестрам Аксельрод и другим.

Вам и жене Вашей жму руки.

Молодым друзьям Каськ особый привет.

А финские деньги, присланные Вами, оказались негодными.

[Р. М. Плеханова]

РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 28–30.

№ 45

Р. М. Плеханова — А. И. Любимову[a]

[Конец мая 1918 г.]

Дорогой Алексей Иванович!

Передаю Вам и передайте Льву Григорьевичу и всем близким, что муж умирает. Пусть Лев Григорьевич и кто может, добьется непременно [приезда] сюда. Быть может, если употребите всю энергию, вы еще застанете его в живых. Во всяком случае, чтоб кто-нибудь из вас был здесь со мной, чтоб помочь мне... Здесь кругом чужие люди, а я в полном отчаянии.

Скажите Кричевскому[100], чтобы он телеграмму через представителя Франции детям написал Paris, rue Marbeau, 17, такого содержания: Père gravement malade. Soyez courageux[b]. Je vous embrasse salue. Mère [va] bien. Télégraphiez santé [Париж, ул. Марбо, 17. Отец тяжело болен. Будьте мужественны. У мамы все в порядке. Телеграфируйте о здоровье., фр.].

Итак, жду с нетерпением кого-нибудь. Хорошо было бы, если бы приехал Лев Григорьевич с кем-нибудь.

Больше не пишу, не могу оставить мужа на секунду: он все время задыхается. Страдает он сильно, бедняга.

Р. Плеханова

Передайте тоже моему шурину, доктору Дукату, о состоянии мужа. Он, как врач, добьется легче пропуска. Пусть тоже приедет.

Адрес его: Владимирс[кий] проспект д. 7 кв. 29, у Ревидцова.

РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 55. В. 481. 76. Л. 31–33.

---

[a] Автограф карандашом.

[b] Далее зачеркнуто две строчки: Préparez-vous toute nouvelle. Télégraphiez santé (Готовьтесь к любому известию. Телеграфируйте о здоровье (фр.)).

№ 46

Р. М. Плеханова — А. И. Любимову

На бланке санатория:
«Доктор Э. К. Циммерман.
Директор санатории Питкеярви.
Петроград — Мойка, 42. Тел. 53–49.
Прием по вторникам от 12–2 час.»

31 мая 1918 г.

Дорогой Алексей Иванович.

Муж умер вчера в 2 ч. дня. О последних его днях и минутах сообщу при свидании. Пока, к делу. Надо чтобы Вы и Л[ев] Григ[орьевич] добились права привезти то, что осталось от Г. В. Плеханова, т. е. тело без его великой души, в Петроград. От финских властей я уже имею разрешение. Добудьте разрешение сейчас же у петроград[ских] властей. Дайте мне знать через здешнюю комендатуру, когда я могу приехать с гробом. Устройте встречу на петрогр[адском] финском вокзале. Купите место на Волковом кладбище поближе к Белинскому. Если все эти хлопоты потребуют много времени, то можно будет временно поместить гроб в нашей конторе (если она существует) или в др[угом] месте, только *не в церкви*.

Спешно пусть Л[ев] Г[ригорьевич] добьется права приезда сюда[a].

Ваша Р[озалия] П[леханова]

РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 55. В. 481. 77. Л. 34.

Примечания

[25] Письмо А. И. Любимова не сохранилось. В книге Л. Крестовской «Из истории русского волонтерского движения во Франции» (Paris) подробно излагаются события 2–20 июня 1915 г. их участниками и очевидцами.

Когда русским волонтерам стало ясно, что ни французское командавание, ни официальные и правительственные органы, куда писались прошения, протесты, письма, не собираются на них реагировать, они отказались возвра?аоься в траншеи и воевать в составе Иностранного легиона, требуя перевода либо во французские, либо в русские фронтовые части. Спустя некоторое время после предъявления ультиматума 40 «бунтовщиков» из Республиканского отряда под конвоем были приведены в здание суда небольшого села неподалеку от Орлеана. Суд состоял из подполковника и двух офицеров (их звания не приводятся), в качестве прокурора выступал лейтенант. Защитник знакомился с делом прямо на заседании. Не объяснив причин предания волонтеров суду, прокурор потребовал для них наказания в пять и десять лет каторжных работ. Все осужденные были отправлены в Африку на каторгу и лишь в январе 1916 г. неожиданно помилованы. Другая подобная история, происходившая в то же время, закончилась расстрелом девяти русских добровольцев.

В приложении к книге опубликованы письма русских волонтеров с фронта. Среди них — рассказ об этой расправе Михаила Федорова, социал-демократа, солдата Иностранного полка, чьи письма к Г. В. и Р. М. Плехановым за 1914–1917 гг. находятся в архиве Г. В. Плеханова (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. III. Ед. хр. 713).

Книга с автографом «Милой Розе Марковне Плехановой. ?уткая страница пережитой жизни. Л. Крестовская. Париж, 1924» хранится в библиотеке Р. М. Плехановой в ДП.

[26] Имеется в виду статья Г. Алексинского «С кем большинство?», помещенная в сборнике «Война».

---

[a] Приписано по левому краю листа.

[27] Вероятно, имеется в виду книга Г. Алексинского «La Russie et la guerre» (Paris, 1915). В библиотеке Плеханова книга не сохранилась, однако ее экземпляр с надписью на шмуцтитуле «Музею и Библиотеке им. Г. В. Плеханова от автора» был впоследствии подарен Р. М. Плехановой и хранится в ее библиотеке в ДП.

[28] *Жан Лонге* (Longuet) (1876–1938) — адвокат, видный деятель французского и международного социалистического движения, внук К. Маркса.

[29] Г. В. Плеханов имеет в виду сторонников В. И. Ленина и Ю. О. Мартова.

[30] Имеются в виду просочившиеся в печать слухи об использовании большевиками полученных через Парвуса средств (выделенных германскими правительственными кругами) для организации печатного органа и ведения антивоенной и революционной пропаганды в России //Volkstimme. 1915. 2 apr.; Bonnet Rouge. 1915. 1–4 avr.; Россия и свобода. 1915. № 2–4; Современный мир. 1915. № 3.

Парвус (Гельфанд А. Л.) (1869–1924) — социал-демократ, эмигрировал из России в Германию и, продолжая участвовать в российском социал-демократическом движении, работал в СДПГ, редактировал газету «Sächsische Arbeiter-Zeitung». В предвоенные годы занимался спекулятивными коммерческими операциями, во время Первой мировой войны, в Копенгагене, Парвусом был открыт институт по изучению вопросов войны и мира, служивший, по-видимому, официальным прикрытием его настоящей деятельности.

[31] *Бурьянов А. Ф.* (1880-?) — социал-демократ, депутат IV Государственной думы от Таврической губернии. Весной 1914 г., стремясь содействовать укреплению думской социал-демократической фракции, разделенной на меньшевистскую и большевистскую, вышел из состава первой, позволив, таким образом, их уравнять численно. Это заявление о выходе с объяснениям причин было опубликовано в № 1 газеты «За партию».

Г. В. Плеханов имеет в виду свое письмо А. Ф. Бурьянову, в котором советовал фракции голосовать за военные кредиты, оговорив при этом известные положения. Летом того же года это обращение было издано листовкой, а в 1917 г. вошло в сборник статей Плеханова «Вопросы мира и социализма».

В архиве ДП сохранилась переписка Бурьянова с Плехановым (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. I. Ед. хр. 21, 358).

[32] Газета «L'Humanité» — орган Французской социалистической партии, основанный в 1904 г. Ж. Жоресом и редактировавшийся им вплоть до трагической гибели в 1914 г. С 1920 г. является печатным органом Коммунистической партии Франции.

[33] В ноябре 1914 г. пятеро депутатов социал-демократической фракции Думы были преданы суду за антивоенную деятельность и сосланы в Сибирь на поселение.

Под возможными переменами в России Любимов, вероятно, подразумевал всеобщую политическую и религиозную амнистию.

[34] Имеется в виду совместное обращение «К сознательному трудящемуся населению России» группы социал-демократов и социалистов-революционеров, опубликованное в № 3 «России и свободы» (16.09.1915). Подписанный представителями различных течений социал-демократического и народнического революционных движений манифест призывал граждан России к созданию и участию в работе организаций общественного и политического характера, военно-промышленных комитетах, Государственной думе и других с целью координации борьбы против Германии и ее союзников. В нем отмечалось, что совместные усилия народа по отражению внешней опасности неизбежно приведут к падению неспособного защитить страну самодержавия. Однако любые попытки ослабить или перенести центр тяжести общей борьбы с агрессором на борьбу с царизмом обернутся двойным поражением народа: победившая Германия лишь усилит гнет самодержавный.

[35] Военно-промышленные комитеты были образованы в 1915 г. и являлись общественными объединениями, в задачи которых входила организация снабжения действующей армии и разработка вопросов социальной политики в условиях военного времени. Деятельность ВПК получила широкую поддержку населения и привлекла к сотрудничеству видных представителей промышленных, государственных, научных и общественных кругов. Важную

роль в обороне страны и усилении влияния общества на внутреннюю и внешнюю политику правительства (хотя, в силу объективных причин, не решающую) сыграли работавшие при ВПК специальные комитеты.

[36] Установить, о какой из статей Х.Г.Раковского идет речь не удалось. Возможно, с одной или серией статей Раковский, сотрудничавший в этот период с рядом газет «интернационалистского» направления, выступил против опубликованного в зарубежной и русской печати «Манифеста».

Раковский Х. Г. (наст. фамилия — *Станчев Крыстю)* (1873–1941) — социал-демократ, представлял в разное время Болгарию и Румынию на конгрессах II Интернационала, поддерживал связи с группой «Освобождение труда». Во время войны занимал интернационалистские позиции. После Октябрьской революции вступил в РСДРП (б), занимал видные партийные и государственные посты, исполнял обязанности посла СССР, вел литературную деятельность.

[37] Сборник «Самозащита» был издан «оборонцами» в Петрограде в 1916 г. и включил работы В. И. Засулич, А. Н. Потресова, Ивана Кубикова, П. П. Маслова, К. Дмитриева (П. Н. Колокольников), Ана (Н. Н. Жордания), Вл. Вольского (В. М. Шах), Евг. Маевского (В. А. Гутовский), А. Бибика (А. П. Бибик), В. Львов-Рогачевского (В. Л. Рогачевский), В. Левицкого (В. О. Цедербаум).

Любимов ошибся, назвав в числе одного из его авторов Л. И. Аксельрод (Ортодокс).

[38] Имеется в виду рецензия С. О. Португейса «Буржуазная оппозиция и демократия» (псевд. Талин) на статью Плеханова «Две линии революции» // Рабочее утро. 1915. № 5.

[39] Циммервальдцами Любимов называет участников международной конференции социалистов, проходившей в сентябре 1915 г. в Циммервальде (Швейцария). По итогам совещания был принят Манифест, в котором виновниками войны объявлялись правительства всех стран, втянутых в конфликт, содержалось требование немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций и признавалось право наций на самоопределение. Вместе с тем, Манифест не указывал путей достижения этих целей.

Идейная неоднородность состава участников привела к их размежеванию, следствием чего стало появление «Циммервальдской левой» во главе с Лениным. Принятая «левыми» резолюция призвала солдат противоборствующих армий к братанию, превращению империалистической войны в гражданскую с целью установления нового социального строя.

[40] *Вайан Эдуард Мари (Vaillant)* (1840–1915) — деятель французского и международного рабочего и социалистического движения. Участник Парижской Коммуны, член Исполнительного Комитета, один из основателей Французской социалистической партии, в качестве ее представителя с 1893 г. являлся членом палаты депутатов.

[41] *Гед Жюль (Guesde)* (1845–1922) — видный деятель французского и международного рабочего и социалистического движения. Участник Парижской Коммуны, один из основателей Французской социалистической партии. С началом Первой мировой войны вошел в состав правительства.

[42] *Бато-Плеханова Е. Г.* (1883–1964) — младшая дочь Плехановых.

[43] Сборник «Интернационал и война» издан Заграничным секретариатом Организационного комитета (ЗСОК) РСДРП в Цюрихе в 1915 г.

[44] Любимов имеет в виду опубликованный в ноябре 1915 г. проект платформы ОК меньшевиков «Пролетариат и война». В основу документа легли тезисы «Письма товарищам в Россию. Задача российского пролетариата» от 3.9.1915, составленного Аксельродом, Астровым, Лариным, Мартовым, Мартыновым, Семковским. Авторы платформы, охарактеризовав действия обеих коалиций как захватнические, призвали международный пролетариат объединить усилия ради прекращения войны без аннексий и контрибуций; в качестве задачи российского пролетариата выдвигались: отказ от участия в обороне страны (в любых ее формах: голосование в Думе по вопросам военных кредитов, участие в военно-промышленных комитетах и т. д.), усиление классовой борьбы, требование созыва Учредительного собрания как средства ликвидации царизма и прекращения войны.

[45] *Кубов А.* (псевдоним *А. А. Аргунова*) — социалист — революционер, публицист. Участник совещания 10 сентября 1915 г. Член редколлегии газеты «Призыв».

[46] Статья Любимова «Об одной «идее» г-на Маклакова» была опубликована в № 18 газеты «Призыв».

[47] *Фондаминский И. И.* (псевд. *И. Бунаков, Непобедимый*) (1880–1942) — в тот период один из видных деятелей партии социалистов-революционеров, член редакции газеты «Призыв». После Февральской революции вернулся в Петроград, где был избран в ЦК ПСР, командирован комиссаром на Черноморский флот. Был избран депутатом Учредительного собрания, после его разгона вошел в состав «Союза возрождения России». Впоследствии эмигрировал во Францию, погиб во время оккупации.

[48] Вероятно, речь идет о статьях В. Тана-Богораза «Нетвердый в вере» и «Чем жить?», опубликованных в №№ 15151 и 15157 (1915) газеты «Биржевые ведомости», написавшего о невозможности оставаться социалистом после того, как с призывом к обороне страны от захватчиков обратился Плеханов.

[49] Речь идет о статье В. Ольгина «Отношение итальянских социалистов к войне», напечатанной в № 25 «Призыва».

[50] Вероятно, имеется в виду беседа Плеханова с корреспондентом «Il Popolo d' Italia» 19.1.1916 г. о Циммервальдской конференции. Газета издавалась Муссолини на деньги итальянских промышленников.

[51] Имеются в виду статьи Плеханова «Оборона страны, реакция и интересы трудящегося населения» и «Интернационалисты, да только с другой стороны». Последняя была опубликована в №№ 20–21 «Призыва».

[52] Речь идет о статьях Бунакова, опубликованных под заглавием «Что нас разделяет» в №№ 12–13 «Призыва».

[53] *Авксентьев Н. Д.* (1878–1943) — видный член партии социалистов-революционеров, в годы Первой мировой войны возглавил в ней крыло оборонцев. Являлся одним из авторов обращения «К сознательному трудящемуся населению России», член редколлегии «Призыва». По возвращении в Россию в 1917 г. входил во Временное правительство, был избран депутатом Учредительного собрания, участвовал в вооруженной борьбе против Советской власти, член «Союза возрождения России», входил в состав Директории. После ее падения подвергся аресту и был выслан за границу.

[54] *Иорданский Н. И.* (1876–1928) — социал-демократ, после II съезда РСДРП примкнул к меньшевистскому крылу, сотрудничал в газетах «Искра», «Начало», «Образование», «Социал-демократ», «Мир божий», «Современный мир», «Звезда». В годы Первой мировой войны занимал оборонческие позиции, помещал статьи в газете «Призыв». После Февральской революции вошел в состав группы «Единство», в качестве комиссара Временного правительства выезжал на фронт. Работал в Наркомате иностранных дел СССР, Госиздате.

[55] *Самба Марсель (Sembat)* (1862–1922) — один из лидеров Французской социалистической партии, с 1893 г. — ее представитель в палате депутатов. В августе 1914 г. в качестве министра вошел в состав правительства национальной обороны Франции.

[56] Вандея — один из департаментов Франции, где в ходе Великой французской революции неоднократно поднимались мятежи (Вандейские войны) с целью восстановления монархии. «Вандея» является синонимом непрекращающейся борьбы контрреволюции и противоборства.

[57] Возможно, имеется в виду опубликованная в журнале «Современный мир» (1915. № 12) статья Н. А. Рожкова «Воззвание оборонцев». «Ответ» Плеханова Рожкову напечатан не был. Правда, в марте 1916 г. французской цензурой была арестована и утрачена его работа «О Циммервальдской конференции», и в ней могли найти отражение те положения статьи Рожкова, которые Плеханов собирался подвергнуть анализу. С другой стороны, в №№ 5–6 журнала «Современный мир» (1915) были напечатаны статьи Плеханова «Интернационализм и защита отечества. I. Долг социалиста. II. Где же противоречия?» и Н. И. Иорданского «Война, мир и социализм (Из бесед с Брантингом, Вандервельде, Гедом, Лонге, Плехановым, Серрати, Турати)», содержавшие ответы на все поставленные Рожковым вопросы. Вполне вероятно, что Плеханов мог посчитать их исчерпывающими и отказался от своего намерения.

[58] Для журнала «Свободное слово» (1915. №№ 8–9) Плеханов написал статью «Где же противоречия?» , впоследствии перепечатанную в сокращенном виде в № 43 «Призыва».

[59] Плеханов имеет в виду статьи Д. Страхова («Голосовать ли за военные кредиты?») и К. Кахели («К вопросу о голосовании военных кредитов»).

[60] Не ясно, о какой статье идет речь. В архиве Плеханова сохранились письма Бунакова к Плеханову от 22 и 31 мая 1916 г. с детальным изложением всех высказанных в его адрес замечаний и собственными к ним пояснениями, однако название самой работы не приводится (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 727. В. 443. 2–3). Отсутствует оно и в письме Алексинского к Плеханову, написанному по тому же поводу (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 307. В. 17.8). Содержание статей Бунакова, изданных в «Призыве» после принятия редакцией решения о публикации данной работы (с необходимыми исправлениями), позволяет предположить, что она все-таки напечатана не была.

[61] Имеется в виду том «Предвестники и основные причины движения» сборника «Общественное движение в России в начале XX века», вышедшего под редакцией Мартова, Маслова, Потресова в 1909–1914 гг.

[62] 13 мая 1916 г. на первой полосе «Призыва» появился фрагмент изъятого французской военной цензурой Открытого письма редколлегии газеты социалисту А. Тома, содержавший, со ссылкой на французскую печать, сообщение о посещении русского царя правительственной делегацией Франции, в состав которой, как товарищ военного министра, отвечающий за снабжение армии, входил и А. Тома. В сохранившейся в ДП корректуре письма говорится о том, что сам факт пожатия социалистом руки царя, деятельность которого внутри страны и за рубежом напоминает «худшие времена Инквизиции», может иметь отрицательные политические и моральные последствия (РНБ. АДП. Л. 12272. 1121).

Позиция редакции изложена в письме Н. Д. Авксентьева Плеханову (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 293. В. 1.2).

[63] *Северак Жак (Severac)* — французский социалист, член редколлегии «Призыва».

[64] *Маньков И. Н.* (1881-?) — социал-демократ, депутат IV Государственной думы. В период войны занимал оборонческие позиции, во время голосования по вопросу о военных кредитах (1915 г.) высказался за их предоставление, за что был исключен из социал-демократической фракции; неоднократно в Думе выступал с критикой принятых на Циммервальдской конференции резолюций.

[65] Во время пребывания во Франции делегации членов Думы и Госсовета, предпринявших летом 1916 г. турне по странам Антанты, один из лидеров думской либеральной оппозиции, Милюков, в беседе с корреспондентом газеты «Humanité» заявил о территориальных притязаниях России и невозможности предоставления права на самоопределение народам ряда национальных окраин России, как они того требовали.

Милюков П. Н. (1859–1943) — политический деятель, ученый, историк, публицист. Лидер партии конституционных демократов, председатель ее думской фракции, редактор газеты «Речь».

С критикой высказанных Милюковым положений Любимов выступил в статье «По поводу одного интервью» (Призыв. 1916. № 35).

[66] В архиве Плеханова сохранился документ следующего содержания: «М[илостивый] Г[осударь], Комитет Читальни имени Н. В. Гоголя покорнейше просит Вас пожаловать в помещение Читальни 26 мая / 8 июня в 3 1/2 час[а] дня на собрание Русской колонии для чествования приехавших в Рим членов Государственного совета и Государственной думы» (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 98). Об этом см. также: Baron S. H. Plekhanov in War and Revolution. 1914–1917// International Review of Social History. 1981. Vol. XXVI. Part 3. P. 354–355; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 321–323.

[67] Прогрессивный блок, объединивший более 300 человек из числа членов Государственной думы и Государственного совета, был организован в августе 1915 г. с целью создания правительства народного доверия, способного обеспечить оборону страны и предотвратить назревающий в стране социально-политический кризис. В качестве неотложных задач прогрессисты выдвинули требование проведения частичной амнистии лиц, осужденных по политическим

и религиозным мотивам, отмены ограничений по национальным и социальным признакам и ряд других.

[68] Имеется в виду «Дневник социал-демократа» Плеханова, выпущенный издательством Попова (1916. № 1). В него вошли работы: «Вместо предисловия», «Если хочешь доброго мира, веди хорошую войну (к выступлению Н. Чхеидзе) » и «Весьма простой расчет».

[69] На состоявшемся 7 августа 1916 г. заседании Национального совета Французской социалистической партии была принята резолюция о созыве международной социалистической конференции, в которой говорилось: «Совет решает организовать, как только это будет можно, собрание социалистов союзных стран с целью точной формулировки экономических и политических условий длительного мира, и эти условия затем социалисты будут стараться осуществить» (Цит. по: Призыв. 1916. № 46. С. 3). Необходимым условием такой встречи, отмечалось в резолюции, является подтверждение национальными секциями Интернационала принципов, выработанных самим Интернационалом, среди которых значились «исследование и провозглашение ответственности за возникновение войны и формулировка гарантий, которые нужно требовать для установления длительного мира», «признание права на защиту за пролетариатом стран, подвергшихся нападению, и обязанность международного пролетариата поддерживать его в этой борьбе» и ряд других (Там же).

[70] *Рубанович И. А.* (1859–1922) — народоволец, с 1901 г. — член партии эсеров, с 1904 г. — ее представитель в МСБ. Был одним из редакторов журнала «Вестник русской революции», «Русская трибуна», в течение ряда лет сотрудничал в «Humanité». В годы Первой мировой войны занимал оборонческие позиции. После Февральской революции вернулся в Россию, являлся членом Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Осенью 1917 г. в качестве члена ЦК ПСР и Исполкома выехал в Западную Европу с целью установить необходимые контакты и содействовать скорейшему заключению справедливого мира. В Россию больше не возвращался.

[71] Группа «Вперед» была создана в 1909 г. как партийно-издательская группа. Часть ее членов — Г. А. Алексинский, Ст. Вольский, М. Горький, А. В. Луначарский и др., выступили с общей платформой, определив основным направлением своей деятельности оказание помощи пролетариату в «самостоятельном развитии как в его практике, так и во всех областях его идейной жизни». В 1912 г. Алексинский, в знак протеста против намерения группы участвовать в Августовском блоке, вышел из ее состава. В годы Первой мировой войны группа женевских «впередовцев» занимала интернационалистские позиции.

[72] *Стоянов Н. П. (Стойнов, «болгарин», Вениамин).* В 1914 г. по поручению заграничных групп партийцев исполнял обязанности их представителя и технического редактора газеты «Единство» в Петербурге. С началом войны перешел на позиции интернационализма. В ДП хранятся два письма Стойнова к Плеханову, написанные им в качестве редактора этого издания (Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 686, 1040).

[73] Статья Алексинского «Жорес», посвященная второй годовщине со дня его гибели, опубликована в № 44 «Призыва».

[74] Имеется в виду статья Б. Воронова «Дарданеллы и Карфаген», напечатанная в № 42 «Призыва».

[75] В № 43 «Призыва» было приведено изложение интервью корреспондента газеты «Humanité» Ф. Рибаса с председателем Испанской социалистической рабочей партии Пабло Иглесиасом (1850–1925), представившем позицию партии по вопросу о задачах социалистов в данной войне и возможности созыва международной конференции. Касаясь первого из них, Иглесиас заявил об обязанности социалистической партии принять самое активное участие в защите страны от нападения и «бороться против той силы, торжество которой явилось бы настоящим бедствием для Европы». По его мнению, созыв Интернационала с целью его восстановления не может состояться ранее того момента, когда зачинщик войны будет побежден.

[76] Имеется в виду перепечатанное в № 29 «Призыва» из газеты «Le Temps» разъяснение председателя Исполкома Социал-демократической партии Швеции Карла Брантинга (1860–1925), сделанное в связи с тем, что данное издание исказило ряд высказанных им положений. Так, отвечая на вопрос о причинах, вызвавших войну, Брантинг указал, что, соглашаясь с тем, что экономическое

соперничество, присущее существующему социальному строю, будет всегда представлять угрозу миру до тех пор, пока этот строй будет продолжать существование, он, тем не менее, основной причиной самого *факта* развязывания войны считал и продолжает считать «то стремление к гегемонии и завоеваниям, которое в Германии пропитало мышление господствующих классов и, к несчастью, заразило также и очень большую часть рабочего класса». Касаясь проблемы заключения мира, Брантинг отметил, что возглавляемая им партия стремится к миру прочному и справедливому, но не к миру преждевременному, а потому эфемерному.

[77] Имеется в виду состоявшаяся в августе 1916 г. международная конференция социалистов нейтральных стран. В принятой резолюции содержался призыв к социалистам воюющих стран собраться для обсуждения вопросов об условиях заключения мира, выработки общей программы на основе принятых решений Копенгагенского (1910) конгресса (обязательный арбитраж, разоружение, уничтожение тайной дипломатии, парламентский контроль за внешней политикой, признание за народами права на самоопределение). В документе осуждались попытки внести раскол в существующий Интернационал и создания нового международного объединения социалистов. Гаагская конференция, хотя и не в открытой форме, признала право стран на защиту в случае предпринятой против них агрессии.

[78] Эта статья Плеханова под заголовком «Наша позиция» была помещена в № 52 «Призыва».

[79] Имеется в виду газета «Русская воля».

[80] «Два лица» — писатель А. В. Амфитеатров и профессор С. С. Адрианов.

Амфитеатров А. В. (1862–1923) — известный писатель и публицист. Сотрудничал с газетами «Русские ведомости», «Новое время», «Русская молва», «Варшавские последние новости», «Messaggero», «Giornale d'Italia» и целом ряде других. За публикацию фельетона «Господа Обмановы» (1902), в котором под видом главных героев была представлена семья Романовых, подвергся высылке в Сибирь. Эмигрировав в 1905 г. в Италию и постоянно находясь под надзором русской полиции, продолжал печататься в русских периодических изданиях и издательствах («Общественная польза», «Прометей», «Просвещение», «Шиповник»). Так, появление в российской печати «Фантастических правд» повлекло за собой пятикратное привлечение (заочное) Амфитеатрова к судебной ответственности (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 309. В. 19. 16. Л. 1).

А. В. Амфитеатров близко знал и состоял в многолетней переписке (1906–1917) с Г. В. Плехановым и его семьей, имел много общих знакомых среди русских и зарубежных политических эмигрантов, деятелей культуры, литераторов. Через своих французских друзей хлопотал перед Клемансо об отмене запрещения Плеханову (с 1894 г.) въезда во Францию.

В годы войны Амфитеатров, как и Плеханов, встал на позиции оборончества, и это, естественно, нашло отражение в его творчестве. Неудивительно поэтому, что, когда в 1916 г. Амфитеатрову предложили участвовать во вновь организуемой газете «Русская воля» и просили провести переговоры по этому вопросу с Плехановым, он ответил предварительным согласием, оговорив ряд принципиальных условий, важнейшим из которых была независимость редакции от правительственных кругов. Они были не только приняты, но и впоследствии подтверждены реальным ходом событий.

Инициатором издания выступил *А. Д. Протопопов* (1866–1918) — товарищ председателя Государственной думы, председатель Союза суконных фабрикантов, крупный землевладелец и владелец суконной фабрики, член Императорского географического общества, член Прогрессивного блока и председатель Совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности, автор трудов в области текстильной промышленности и аграрного вопроса, позднее заявивший, что почти полное отсутствие в составе IV Государственной думы и в Госсовете представителей торговли, промышленности и банков делало необходимым начать предварительную подготовку к предстоящим выборам в государственные учреждения, чтобы провести в них 50–80 своих представителей (Падение царского режима. Стеногр. отчеты допросов, данных в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.-Л., 1926. Т. I. С. 145).

После назначения Протопопова на министерский пост и он сам, и лица, причастные к основанию газеты, отошли от дела. В архиве Плеханова сохранилась телеграмма Адрианова от 9. 10. 16, в которой этот факт констатировался со всей определенностью (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 11. Л. 1). Более того, содержание всех выпусков газеты до того момента, пока названные лица входили в редакцию (декабрь 1916 — март-апрель 1917 г.), свидетельствует о ее демократическом характере. Корреспондент «Русской воли» Вл. Самойлов специально выезжал в Выборг, чтобы встретить возвращающегося в Россию Плеханова и взять у него интервью. Первого апреля оно появилось в печати. Спустя четыре дня там же была воспроизведена речь Плеханова на совещании представителей Советов рабочих и солдатских депутатов (Русская воля. 1917. №№ 44, 46). Это свидетельствует о том, что происшедшее действительно было недоразумением, так с сожалением его определил впоследствии Амфитеатров.

[81] Плеханов часто употреблял ставшее знаменитым выражение А. Бебеля о том, что ради дела тот готов идти вместе с чертом и даже его бабушкой, неизменно дополняя его чьим-то остроумным и всегда необходимым замечанием: отправляясь в путь вместе с чертом и его бабушкой, «вы должны хорошо выяснить себе, кто кого поведет, — вы их, или они вас» (Плеханов Г. В. Письма к сознательным рабочим // Соч. Т. 18. С. 523). Повторяя эти слова, Плеханов имел в виду, что нет и не может быть в жизни раз и навсегда сложившихся положений и ситуаций. Умение правильно распределить силы, найти и выбрать союзников или только попутчиков, пусть даже на самое короткое время, «ради изоляции реакционеров» — одно из наиболее ценных качеств революционера.

[82] А. Д. Протопопов с сентября 1916 г. стал министром внутренних дел, начальником жандармского управления России.

[83] *Гюйсманс Камилл (Huysmans)* (1871-1968) — видный деятель рабочего движения Бельгии. В течение ряда лет возглавлял палату депутатов, занимал должность премьер-министра. В 1905 г. избран секретарем МСБ, оставался на этом посту до 1922 г.

[84] *Легин Карл (Legien)* (1861–1920) — немецкий социал-демократ, депутат немецкого рейхстага от социал-демократической партии, председатель Генеральной комиссии профсоюзов Германии. В 1919–1920 гг. являлся членом национального собрания Веймарской республики.

[85] *Гвоздев К. А.* (1882-?) — рабочий, в годы Первой мировой войны входил в состав Военно-промышленного комитета и возглавлял рабочую группу. Являлся автором проекта об установлении гражданского мира между рабочими и промышленниками. После Февральской революции стал товарищем министра труда М. И. Скобелева в первом коалиционном Временном правительстве, принимал участие в разработке законов о бирже труда, об урегулировании безработицы и помощи безработным, о введении 8-ми часового рабочего дня, о женском и детском труде. Участник I Всероссийского съезда Советов, член Президиума и Исполкома Петросовета. Позднее работал в ВСНХ. В 1931 г. арестован. Освобожден в 1956 г.

[86] *Бонч-Бруевич В. Д.* (1873–1955) — советский партийный и государственный деятель, ученый, литератор и публицист. Сотрудничал в газетах «Искра», «Новая жизнь», «Жизнь и знание», «Звезда», «Правда». В годы войны стоял на интернационалистских позициях. Принимал активное участие в революционных событиях 1917 г. в Петрограде. После Октябрьской революции некоторое время заведовал делами Совнаркома, впоследствии перешел на научную работу. В ДП сохранилась интересная переписка Бонч-Бруевича с Плехановой (РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 120; Оп. 2. Ед. хр. 102) и Плехановым (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 17; 344).

[87] Имеется в виду произошедший раскол между членами редакции, когда Г. А. Алексинский, вопреки принятому редакцией «Призыва» решению, официально был объявлен сотрудником газеты «Русская воля». Инцидент, как показывают документы, был во многом навязан сотрудникам «Призыва» сообщениями из России, где развернулась кампания по дискредитации новой газеты, оказавшая прямое или косвенное влияние и на людей, которых Плеханов и его соратники считали своими единомышленниками. Достигнутые в ходе переговоров Амфитеатрова и Адрианова с Плехановым и редакцией «Призыва» соглашения оказались сорванными, так как Н. И. Иорданский и А. Ф. Бурьянов, осуществлявшие с ними постоянный обмен корреспонденцией,

основывались в своих оценках не на конкретных доказательствах и фактах, подтверждавших зависимость «Русской воли» от Протопопова и лиц, связанных с ним, а на слухах, распространявшихся в печати.

Более того, настоятельно советуя группе не участвовать в издании и опубликовав от имени Плеханова официальный отказ от сотрудничества, они не поставили редакцию в известность о том, что во время личной встречи Иорданского с Амфитеатровым и Адриановым первый честно признался в том, что не может привести ни одного факта, который бы подверждал справедливость выдвигавшихся против газеты обвинений (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 309. В. 19. 10. Л. 1).

[88] Этого письма в архиве Плеханова нет. Однако о его содержании можно судить по личным письмам к нему Авксентьева, Воронова и Любимова. Речь шла о предложении распустить «Призыв» и начать издание новой газеты (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 532. В. 266. 57.; Ед. хр. 293. В. 1. 10).

[89] Имеется в виду обращение Э. Вандервельде, представителя бельгийской рабочей партии в МСБ, к Интернационалу (опубликовано 25.11.1916 г. газетой «Humanité»), в котором сообщалось о намерении немцев, оккупировавших Бельгию в 1914 г., отобрать и отправить 350 000 его соотечественников в Германию для службы в армии и работы на военных предприятиях, и содержался призыв не допустить новых зверств против мирного населения (Призыв. 1916. № 55).

[90] Статья Плеханова «Стоны Бельгии, логика Циммервальда и рабочий Интернационал» (Призыв. № 56) была опубликована в сокращении в газете «Русская воля» (№ 4. 5 (18).01.1917) под заголовком «Стоны Бельгии» со следующим примечанием редакции: «Статья Г. В. Плеханова, предназначенная для № 56 «Призыва», доставлена нам Г. А. Алексинским в корректурных оттисках для напечатания».

Вероятнее всего, Алексинский просто не поставил в известность Амфитеатрова о том, что не спросил разрешения у Плеханова на публикацию статьи в «Русской воле». Это подтверждается содержанием телеграммы Амфитеатрова Плеханову от 22.01.17, сообщавшего о том, что его статья произвела глубокое впечатление на широкие слои общества и вызвала досаду пораженцев и шарлатанов, уделом которых является демагогия (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 309. В. 19. 13. Л. 1), и поздравлявшего с успехом.

Характер всех предшествующих этому инциденту и последовавших за ним телеграмм, отправленных Плеханову Амфитеатровым, Адриановым, Леонидом Андреевым, не позволяет заподозрить их в попытках превратить участие Плеханова в газете в прикрытие ее «проправительственной» направленности или, тем более, «шантажировать» его.

Отношения Плеханова и Амфитеатрова не прерывались и впоследствии: последняя телеграмма Плеханову, сообщавшая о намерении Амфитеатрова возобновить в Петрограде обозрение «Красное знамя», датируется апрелем 1917 г. (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 309. В. 19. 14).

Савинков Б. В. (псевд. Ропшин) (1879–1925) — социалист-революционер, один из руководителей «боевой организации» партии эсеров, писатель. Участвовал в разоблачении Парвуса. Входил в состав Временного правительства, был военным министром, после Корниловского мятежа удален из кабинета министров.

Творчество Ропшина нашло отражение в литературной критике Плеханова. Так, им была написана рецензия на роман «То, чего не было» (Плеханов Г. В. Соч. Т. 24. С. 279–286).

Савинков близко знал Плеханова и его семью. Был другом Жоржа Эмиля Бато — мужа младшей дочери Плехановых, Е. Г. Плехановой. В ДП хранится переписка Савинкова и членов его семьи с Плехановыми (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 649; Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 316, 317; Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 236, 237, 238, 352).

[91] В архиве Плеханова сохранилось письмо П. П. Маслова с уведомлением о том, что уже набранная в № журнала статья в связи с ее публикацией в «Русской воле» была исключена из выпуска (Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 547. В. 284. 10).

[92] Международная конференция социалистов союзных стран должна была состояться во Франции в марте 1917 г., однако ее пришлось отложить в связи с с революционными событиями в России.

[93] Речь идет о статье Плеханова «Накануне», написанной в преддверии международной конференции социалистов союзных стран. Она была опубликована в последнем, шестидесятом, номере «Призыва».

[94] Это сообщение, не подтвержденное и не опровергнутое официальными источниками, появилось в ряде российских и зарубежных газет.

[95] *Ллойд Джордж (Lloyd)* (1863–1945) — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

[96] *Дементьев И. Н. (псевд. Кубиков)* (1877–1944) — социал-демократ, меньшевик. публицист, литературный критик. В социал-демократическом движении с начала 900-х гг. Сотрудничал в меньшевистской периодической печати. В период войны — оборонец. После Октябрьской революции преподавал в вузах, занимался литературной работой (написал ряд критико-биографических очерков о русских писателях).

[97] В конце января 1918 г. Р. М. Плеханова вынуждена была увезти уже тяжело больного Плеханова из Петрограда, опасаясь за его здоровье: нехватка медикаментов, плохое питание, отсутствие надлежащего лечения ставили его жизнь под угрозу. Подробнее об этом см: Плеханова Р. М. Год на родине //Диалог. 1991. №№ 14–15.

[98] Газета «Единство» — орган Всероссийской социал-демократической группы «Единство» («Наше Единство»), выходила в Петрограде в марте 1917 — январе 1918 гг. Закрыта по решению правительства. В ноябре 1917 г. группа меньшевиков-оборонцев совместно с членами организации «Единство» начала издавать газету «Начало». Вышло три номера, затем некоторое время она выходила под заглавием «Наше начало».

[99] Супруги Каськ — молодые друзья Плехановых, с которыми они познакомились во время посещения Плеханова, находившегося осенью-зимой 1917–1918 гг. во Французской больнице, группой преподателей и студентов Горного института.

[100] *Кричевский Б. Н.* (1866–1919) — социал-демократ, публицист, переводчик. Эмигрировав в конце прошлого века за границу, примкнул к группе «Освобождение труда», участвовал в ее изданиях. Впоследствии стал одним из лидеров «Союза русских социал-демократов за границей», редактировал его орган «Рабочее дело».

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВ ВОЖДЕЙ

«Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши (А. В. Коротков, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев) (Продолжение) 3

«Армию надо сделать ... без излишеств». Записка Н. С. Хрущева о военной реформе. 1959 г. (Ю. А. Абрамова)... 60

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

«Злостные для русского дела события». Записка адмирала А. В. Колчака. 1918 г. (А. А. Хисамутдинов) 70

«Урянхайский вопрос может быть разрешен лишь путем мирных переговоров». Документы Временного Сибирского и Российского правительств. 1918-1919 гг. (Л. А. Молчанов) 84

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

«Необходимо противопоставить революционной фразеологии революционное мировоззрение...». Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914-1918 гг. (Т. И. Филимонова) *(Окончание)* 106

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

«Мы щепки, забитые в заводь, подле бурно несущегося потока». Русская эмиграция в Третьем рейхе. 1941-1943 гг. (В. Ф. Мамонов, А. Л. Худобородов)..... 153

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

«Дела свалились с плеч, и я опять стал самим собой». Письма В. О. Ключевского М. А. Хрущевой. 1885-1907 гг. (В. Г. Бухерт) 164

«Мне очень досадно и жаль, что я сейчас не в Москве». Письма С. В. Бахрушина М. В. Сабашникову. 1931-1933 гг. (Л. В. Волков)..... 193

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

«Надейтесь только на самих себя». Письмо М. А. Бакунина Ю. Демонтовичу. 1864 г. (В. Г. Мосолов)..... 206

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

Когда и где родился В. М. Чернов? (А. И. Аврус, З. Е. Гусакова, А. П. Новиков) 211

«Жизнь их победит». Письмо П.Н.Милюкова В.А.Маклакову. 1921 г. (А.В.Антощенко) 213

«Считаю ниже своего достоинства». Фрагмент записи беседы И. В. Сталина с Э. Людвигом. 1931 г. (М. А. Леушин)... 216

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Кришьянис Валдемар. Деловая и частная переписка. В 2-х т. Т.1. Письма Кришьяниса Валдемара (Е. Л. Назарова)..... 218